

ВЕСТНИК

Московского университета
имени С.Ю. Витте. Серия 2

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

2023
2 (38)

ISSN 2587-9472

Эн № ФС77-77599

ISSN 2587-9472

Эл № ФС77-77599

Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки

№ 2 (38)' 2023

Электронный научный журнал (Электронное периодическое издание)

Главный редактор

Бабурин С.Н.,

д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Московского университета имени С.Ю. Витте, заслуженный деятель науки РФ, почетный академик Национальной академии наук Кыргызской Республики, иностранный член Академии наук Абхазии.

Заместитель главного редактора

Алешукина С.А.,

канд. юрид. наук, доцент кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности Тверского государственного университета.

Редакционный совет:

Председатель – Бабурин С.Н., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Московского университета имени С.Ю. Витте, заслуженный деятель науки РФ, почетный академик Национальной академии наук Кыргызской Республики, иностранный член Академии наук Абхазии;*

Бандурина Н.В., *д-р юрид. наук, профессор, профессор гражданского и предпринимательского права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России);*

Букалерева Л.А., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса Московского университета имени С.Ю. Витте;*

Бытко С.Ю., *д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры прокурорского надзора и криминологии Саратовской государственной юридической академии;*

Гущин В.В., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Российской государственной академии интеллектуальной собственности;*

Давитадзе М.Д., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Одиноцкого филиала Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел РФ;*

Землин А.И., *д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой транспортного права Российского университета транспорта, заслуженный деятель науки РФ;*

Кожевников О.А., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева;*

Левушкин А.Н., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина;*

Осавелюк А.М., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина;*

Сауляк О.П., *д-р юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Института права и управления Московского городского педагогического университета;*

Федюнин А.Е., *д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии.*

Все права на размножение и распространение в любой форме остаются за издательством.

Нелегальное копирование и использование данного продукта запрещено.

*Системные требования: PC не ниже класса Pentium III;
256 Mb RAM; свободное место на HDD 32 Mb; Windows
98/XP/7/10; Adobe Acrobat Reader; дисковод CD-ROM 2X
и выше; мышь.*

© ЧОУВО «МУ им. С.Ю. Витте», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПРАВА

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИНТЕРАКЦИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА	5
<i>Митяева Юлия Владимировна</i>	

СОДЕРЖАНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

МЕСТО ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ	12
<i>Бабурин Сергей Николаевич</i>	
ГЕНЕТИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ: ВОЗМОЖНОСТЬ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ	19
<i>Кувырченкова Татьяна Владимировна, Черевко Владимир Владимирович</i>	

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ В ДЕЛАХ ПО ВНОВЬ ОТКРЫВШИМСЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ	24
<i>Лунев Анатолий Андреевич, Цыганков Александр Юрьевич</i>	
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ ЦИФРОВИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО	30
<i>Романова Ирина Николаевна, Видова Татьяна Александровна</i>	
ИНСТИТУТ МЕДИАЦИИ КАК СТАБИЛИЗАТОР ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ	36
<i>Слабоспицкий Анатолий Сергеевич, Олагян Валерия Гурамовна</i>	

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА, УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ

ЗАПРЕТ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ КАК МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ	43
<i>Мальцева Светлана Николаевна</i>	

Трибуна молодого ученого

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ПРОИЗВОДСТВОМ В СУДЕ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ, И ИХ ПЕРСПЕКТИВНЫЕ РЕШЕНИЯ	49
<i>Слабоспицкая Анастасия Сергеевна, Пестовская Юлия Александровна</i>	

CONTENTS

ISSUES OF THEORY AND HISTORY OF LAW

HISTORICAL AND POLITICAL ANALYSIS OF THE INTERACTION OF CULTURAL HERITAGE AND THE POLITICAL SPHERE OF RUSSIAN SOCIETY.....	5
<i>Mityaeva Yu.V.</i>	

CONTENT, PROBLEMS AND TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF PUBLIC LAW

THE PLACE OF LEGAL EDUCATION IN CIVILIZATIONAL CULTURE.....	12
<i>Baburin S.N.</i>	
GENETIC WEAPONS: POSSIBILITY AND REALITY	19
<i>Kuvyrchenkova T.V., Cherevko V.V.</i>	

RELEVANT ISSUES OF PRIVATE LAW

ON THE ISSUE OF ASSESSING THE CIRCUMSTANCES IN CASES OF NEWLY DISCOVERED CIRCUMSTANCES.....	24
<i>Lunev A.A., Tsygankov A.Yu.</i>	
PROBLEMS AND PROSPECTS OF IMPLEMENTATION OF DIGITALIZATION IN MODERN CIVIL LAW	30
<i>Romanova I.N., Vidova T.A.</i>	
THE INSTITUTION OF MEDIATION AS A STABILIZER OF PUBLIC RELATIONS.....	36
<i>Slabospitsky A.S., Olagyan V.G.</i>	

RELEVANT ASPECTS OF CRIMINAL LAW, CRIMINAL PROCEEDINGS AND CRIMINALISTICS

PROHIBITION OF CERTAIN ACTIONS AS A PREVENTIVE MEASURE	43
<i>Maltseva S.N.</i>	

TRIBUNE OF THE YOUNG SCIENTIST

SOME PROBLEMS ASSOCIATED WITH JURY PROCEEDINGS AND THEIR PROSPECTIVE SOLUTIONS.....	49
<i>Slabospitskaya A.S., Pestovskaya Yu.A.</i>	

УДК 342

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИНТЕРАКЦИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Митяева Юлия Владимировна¹,

канд. полит. наук,

e-mail: jmitt@yandex.ru,

¹Московский университет имени С.Ю. Витте, филиал в г. Рязани, г. Рязань, Россия

Рассматриваются причинно-следственные связи воздействия культуры как явления и системы на появление и эволюционирование новых институтов в политической сфере общественных отношений. Проводится исследование культурного феномена, законов, по которым он создается обществом, приобретает определенные самостоятельные свойства, адаптируется в том или ином историческом моменте времени и пространства. За основу кроссоверного анализа культурных изменений, происходивших в России на определенном этапе развития, взят период конца XIX – начала XX в., время, когда Рязанская губерния проявила опыт в создании новых политических традиций и формировании народного представительства в Государственной Думе России. Дается оценка транзакционного воздействия аккумулированного опыта политических феноменов начального этапа развития форм народовластия на настоящее состояние и реализацию данного принципа в российском государстве. Формулируются выводы о роли культурного наследия в эффективном функционировании существующих социальных институтов и механизмов управления государством.

Ключевые слова: культура, культурное наследие, политика, представительные институты, Россия

HISTORICAL AND POLITICAL ANALYSIS OF THE INTERACTION OF CULTURAL HERITAGE AND THE POLITICAL SPHERE OF RUSSIAN SOCIETY

Mityaeva Yu.V.¹,

Candidate of Political Sciences,

e-mail: jmitt@yandex.ru,

¹Moscow Witte University, the branch in Ryazan, Ryazan, Russia

The article examines the causal relationships of the impact of culture as a phenomenon and system on the emergence and evolution of new institutions in the political sphere of public relations. The author studies the cultural phenomenon, the laws by which it is created by society, acquires certain independent properties, adapts to a particular historical moment of time and space. The basis for case-crossover analysis of cultural changes that took place in Russia at a certain stage of development is the period of the late 19th and early 20th century, the experience of the Ryazan governorate in creating new political traditions and the forming of people's representation in the State Duma of Russia. The author gives an assessment of the transactional impact of the accumulated experience of political phenomena of the initial stage of the development of forms of democracy on the present state and the implementation of this principle in the Russian state. Conclusions are formulated about the role of cultural heritage in the effective functioning of existing social institutions and governance mechanisms of the state.

Keywords: culture, cultural heritage, politics, representative institutions, Russia

DOI 10.21777/2587-9472-2023-2-5-11

Введение

Когда мы говорим о сохранении историко-культурного наследия России, то зачастую сталкиваемся с формализмом и мало изменяемым набором средств поддержки со стороны государственных властных структур. При этом реальная ситуация уже давно требует кардинально новых подходов в теоретическом осмыслении как феномена культурного наследия, так и практико-ориентированных методов его защиты и развития.

Поиск путей формирования у людей ценностных ориентиров, политико-правовых концептов, основанных на принципе преемственности поколений, – одна из актуальнейших задач нашего времени, решение которой усложняется ростом межнациональных, религиозных и иных социально-политических кризисов. Причины такого неблагоприятного фона лежат в области принудительного, а порой и насильственного характера распространения доминирующих в мире культур и религий. Исходя из структурного понимания культуры как таковой, следует не просто разделять культуру на различные типы, но и учитывать комбинаторику элементарных составляющих конкретных типов культур, которые выстраивались на протяжении определенного периода времени. Исторический контекст задавал ту или иную комбинацию составляющих культуры, которые отражали характер времени, учитывали его кризисные моменты.

Культура как явление, система, социальное образование, созданное человечеством, подчиняется принципу детерминизма, что возможно проследить на примерах появления и развития различных социальных институтов в разные эпохи.

Задачей проводимого в рамках представленной научной статьи исследования выступает поиск причинно-следственных связей в процессе интеракции культуры и политической сферы общественных отношений, исходя из особенностей политического культурного наследия России, на примере опыта формирования политических институтов и традиций в период с XIX в. до начала XX в. в Рязанской губернии.

Проблематика развития различных социально-политических, духовных, экономических институтов в обществе напрямую зависит от сформированности устойчивой связи культурного наследия с нынешними условиями формирования. Безусловно, культура как системное образование может как значительно опережать, так и отставать от существующих реалий.

Однако следует отметить и тот факт, что культура неоспоримо воздействует, трансформируя принципы и общественные начала. Следствием таких трансформаций является рост интеллектуального, научного, нравственного потенциала общества [1, с. 47].

За счет свойства культуры выстраивать преемственность в ее эволюционировании можно говорить о том, что о каком бы виде культуры мы не упомянули, она существовала, существует и будет существовать в тех или иных формациях, необходимых для последующих процессов реструктуризации и межпоколенческих транзакций.

По нашему мнению, суть функционирования обозначенного принципа эволюционирования культуры подразумевает опору на кроссоверный анализ культурных форм и процессов, возникавших в различные периоды существования социума.

Вопрос о востребованности культурного наследия в развитии различных сфер жизнедеятельности общества, в частности в политической области, связан с уже имеющимся у человечества культурным опытом, что в совокупности с проводимым в настоящее время отбором формаций дает видение критериев единообразия созданных механизмов для реализации в будущем тех из них, которые показали соответствие общественным ожиданиям и актуальность таких форм культурного опыта для следующих поколений как на индивидуальном, так и на общечеловеческом уровне.

Именно приведенный подход к пониманию феномена культуры показывает, что собой представляет «движение» культурной вертикали.

Формирование культурного опыта в области реализации в государстве принципа народовластия на примере становления и развития институтов политического участия избирателей и гласных Рязанской губернии в конце XIX – начале XX в.

В качестве примера, выбранного нами для проведения системного исторического анализа, созданного на определенном этапе развития общественных отношений политического института российского общества, предлагается рассмотреть становление и развитие института народного представительства в России в конце XIX – начале XX в., опираясь на данные по Рязанской губернии.

Как уже отмечалось ранее, элементы культуры, формирующиеся в обществе, нецелесообразно рассматривать вне исторического контекста. В связи с этим стоит дать характеристику происходивших в тот период времени событий в российской истории.

Государственная политика России конца XIX в. была неразрывно связана с происходившими экономическими и политическими изменениями в мире, среди которых появление конституционных монархий, республик, развитие капиталистических отношений, что требовало реформирования российских реалий. Начатые Александром II преобразования повлекли существенные трансформации в статусе земств [2, с. 234].

Через какие элементы культуры в российском обществе появились и стали эволюционировать новые политические институты? Рязанская губерния была учреждена по указу Екатерины II 28 февраля 1778 г. и в то время подразделялась на следующие уезды: Рязанский, Данковский, Егорьевский, Зарайский, Касимовский, Михайловский, Пронский, Раненбургский, Ряжский, Сапожковский, Скопинский, Спасский.

Уездные города губернии представляли собой очаги развития культуры, промышленности и торговли.

20 ноября 1865 г. в канцелярии рязанского губернатора П.Д. Стремоухова получено предписание Министерства внутренних дел о приведении в действие в губернии Положения о губернских и уездных земских учреждениях. В этот же день в г. Рязани открылся временный губернский комитет, а с 8 по 19 декабря того же года в уездных городах появились временные уездные комиссии по земскому делу, которым поручалось в двухмесячный срок составить списки избирателей в гласные и проверить их полномочия.

Первые уездные собрания в Рязанской губернии открылись в сентябре 1865 г. На них были избраны гласные в губернское собрание, которое и открылось в г. Рязани 1 декабря 1865 г. Губернское земское собрание утверждало раскладку земских повинностей, отчеты земских управ, ходатайства перед правительством о местных нуждах. Число дворян в губернском собрании увеличивалось с каждым годом.

Следует заметить, что в конце XIX в. губернское земское собрание являлось почти всегда исключительной монополией дворянства. Губернские земские собрания, будучи распорядительными органами, заседали один раз в год, однако при необходимости могли организовываться и внеочередные собрания. На губернском земском собрании избирался председатель, обычно губернский предводитель. Рязанское губернское земское собрание было ликвидировано постановлением губисполкома в 1918 г. На этом фоне в 1905–1906 гг. состоялись выборы в Государственную Думу I созыва. Однако радикальные противники монархии призывали к бойкоту выборов. К сожалению, Рязанская губерния оказалась на предпоследнем месте в целом по стране по явке избирателей, которая составила 3,7 % [3, с. 344].

Опыт политического представительства в Государственной Думе Российской империи I созыва депутатов от Рязанской губернии: политические позиции, сопряжение с ожиданиями электората

От Рязанской губернии в Государственную Думу Российской империи (далее – Государственная Дума, Дума), согласно Положению о выборах, должны были быть избраны 8 депутатов. Состав рязанских выборщиков по куриям на выборах в Государственную Думу I созыва был установлен в количестве 123 человек, а именно: от землевладельческой курии – 40, от городской – 27, от крестьянской – 54, от рабочей – 2.

Всего в Рязанской губернии на тот момент насчитывалось 46 000 жителей, но лишь 465 человек соответствовали цензовым требованиям выборщиков. В соответствии с Указом от 11 декабря 1905 г. число избирателей было увеличено в 10 раз. В результате в дополнительные списки были внесены 4127 избирателей Рязанской губернии, соответственно, число избирателей составило 4592 человека [4, с. 232].

Основная борьба за места в парламенте развернулась между двумя политическими силами – кадетами (Конституционно-демократическая партия) и «Союзом 17 октября». Кадетов представляли Б.А. Мартынов, А.К. Дворжак и А.З. Смагин, при этом последний из них являлся крестьянином. Именно он выступал за сближение партии с народом, крестьянами. Губернская организация кадетов не имела своего печатного органа, однако редакция газеты «Рязанский вестник» предоставляла своим членам страницы для публикаций, где и было опубликовано обращение с информацией о предвыборной программе конституционно-демократической партии [5].

Несмотря на все предпринятые меры, надежды рязанских кадетов получить поддержку органов земского, городского самоуправления, а также крестьянских выборщиков не оправдались, т.к. идеи принудительного отчуждения помещичьих земель и скорейшего созыва Учредительного собрания столкнулись с более консервативной позицией партии «Союз 17 октября».

По итогам выборов кадеты не смогли получить ни одного места в Государственной Думе. Что же касается победивших на выборах партий, то ими являлись: от правого крыла – «Союз 17 октября», от левого крыла – «Трудовая группа». Они смогли представить в парламент по три депутата [6, с. 187]. Партия «Союз 17 октября» придавала большое значение выборам, рассчитывая на поддержку земцев и зажиточного крестьянства.

Один из лидеров октябристов, рязанский князь Н.С. Волконский выступил за скорейшее проведение выборов в Государственную Думу, т.к. промедление привело бы к росту революционных настроений в обществе. Он отмечал, что «деревню мало волнуют газетные известия о политических беседах графа Витте и весь интерес сосредотачивается на вопросе земельном». Н.С. Волконский указывал на необходимость разъяснения земельного вопроса крестьянам, в чем и видел задачу работы «Союза 17 октября».

Председателем созданного в г. Рязани отдела «Союза 17 октября» стал один из его организаторов А.В. Еропкин, который затем был избран в Государственную Думу. Были сформированы и другие отделения партии в Сапожке, Зарайске и т.д. Несмотря на опасения октябристов, они смогли не только заручиться поддержкой выборщиков правового толка, но и частично привлечь на свою сторону крестьянство.

В результате партия получила три места в Думе, которые заняли Н.С. Волконский, А.В. Еропкин и Н.И. Ярцев, в то время как кадеты не получили ни одного места. Ситуация осложнялась еще и тем, что среди крестьянства росло недоверие к лицам некрестьянского происхождения, соответственно, и стремление избрать тех депутатов, которые будут отстаивать интересы крестьянства в Думе. Это способствовало образованию особой крестьянской организации, которая и защищала интересы крестьянства. Так появилась Трудовая группа, в состав которой к 1906 г. вошли 105 человек. В Государственную Думу I созыва от Трудовой группы были избраны депутаты Г.М. Ворсобин, Д.Г. Гостев, Б.И. Черников. Кроме перечисленных депутатов в Государственную Думу I созыва были избраны еще два депутата – от партии демократических реформ и беспартийных [4, с. 256].

Государственная Дума I созыва открылась 27 апреля 1906 г. Самым сложным вопросом для избранных депутатов стал земельный. Трое представителей рязанского «Союза 17 октября» активно включились в обсуждение аграрного вопроса. Кроме того, октябристы являлись самой немногочисленной фракцией, а трое рязанцев составляли фактически одну пятую часть от общего числа фракции. Они выразили недовольство позицией партии, которая состояла в протесте против принудительного отчуждения помещичьих земель, и участвовали в попытке создания более либеральной партии под руководством графа П.А. Гейдена – «Прогрессивной партии мирного обновления», но затем все же вернулись в «Союз 17 октября» [7, с. 227].

От рязанского отделения Трудовой группы в Государственную Думу I созыва также прошли три депутата. По сословной принадлежности они принадлежали к крестьянству. Г.М. Ворсобин во время

своей работы в Думе входил в экономический совет, а также являлся попечителем земской школы в с. Кельцы Скопинского уезда. Б.И. Черников, работая в Думе, подписал заявление о создании Комиссии об исследовании незаконных действий должностных лиц. Д.Г. Гостев отстаивал независимость инспекций труда, выступал за участие представителей от рабочих в инспекторском надзоре.

Сторонником образования в Думе самостоятельной крестьянской группы выступал еще один рязанский депутат – «беспартийный» И.В. Арсенов. Позиции рязанских октябристов в Думе по аграрному вопросу вызвали поток критики с мест. Крестьянские выборщики и их избиратели ожидали от Н.С. Волконского и других иного взгляда на их проблемы. Помимо аграрного вопроса в Думе обсуждались и сословные ограничения. Рязанские депутаты от «Союза 17 октября» Н.С. Волконский и Н.И. Ярцев выступили против немедленной ликвидации сословных ограничений, а также против реформы местного самоуправления на началах всеобщего избирательного права [8, с. 336].

9 июля 1906 г. согласно царскому указу и манифесту Государственная Дума была распущена. Рязанские газеты сообщили об этом только 14 июля 1906 г.

Заключение

Из приведенного событийного ряда формирования первого в истории России института народного представительства достаточно ярко видно, что появление в обществе нового политико-культурного механизма выражения общественной воли соответствовало нравственным запросам общества, но при этом не получило поддержки со стороны властной системы государства.

Начатые культурные изменения уже стали оказывать непреодолимое воздействие на политические отношения, властные органы, что привело к их полной трансформации буквально через десять лет.

Методы последующих преобразований являлись гораздо более деструктивными для государства, а революция 1917 г. окончательно упразднила предшествующую систему ценностных ориентиров, насаждая новые политические, духовные, социальные, экономические элементы культуры теперь уже не российского, а советского общества.

Появившееся в начале XX в. в России воздействие политических новаций, а также создание новых политических институтов, механизмов формирования властных органов, принципов партийного взаимодействия и многих других элементов политической культуры, к сожалению, не прошли через отбор «настоящим» – реальностью, в которой находился российский социум в тот период времени.

Реализация принципа народовластия в рамках Российской империи не дала устойчивых культурных формаций в политической сфере общества, которые позволили бы избежать революционных преобразований государственности в последующем.

Принимая тот факт, что процесс эволюционирования культурных форм в политической сфере общественных отношений России был заменен революционными подходами к созданию, распространению и утверждению новых культурных ценностей, традиций, аккумулярованию политического опыта в рамках совершенно иной государственной оболочки, следует констатировать, что произошло не просто изменение вектора культурного развития из исходной точки, а изменение самой точки опоры культурного воздействия.

Любая система, явление или процесс характеризуются тем, что они могут существовать в различных стадиях, таких как развитие, стагнация, разрушение, которые неизбежно сменяют друг друга. Культура в своем развитии тоже существует в рамках приведенных стадий. Политическая область общественных отношений, как ни одна другая, часто сопрягается с регрессом и необходимостью начинать переход к развитию с фактически нулевых позиций, с точки зрения их актуализации для общества. Соответственно, особую актуальность приобретает анализ тех элементов культуры, которые активно воздействовали бы на политическую сферу общественных отношений. Речь идет о так называемой социальной памяти, национально-политических традициях.

Следует учитывать длительный период развития российского государства, который не предполагал создание и реализацию идеи гражданского общества, особенности российского радикализма, связанные с критическим уровнем неграмотности более чем половины населения Российской империи,

безальтернативность «в умах» иных методов формирования политической реальности, кроме революционных, когда революция – это не просто способ социальных преобразований общества, а своего рода религия.

Дальнейшее развитие политической сферы в советской России еще более утвердило доминирование идеи сращивания партии с государственной системой, следовательно, окончательно была упразднена традиция альтернативности и межпартийной борьбы.

Попытки утвердить и закрепить в общественном сознании традиции идеологического плюрализма и партийного многообразия были не в полной мере успешными. В погоне за количеством порой совсем отсутствовал компонент качества этих попыток. Советское общество не имело той культурной основы в политической области, которая необходима для правильного понимания и реализации принципов свободы, демократии. Следствием такой несформированности культурных элементов в вопросе участия в управлении государством в переходный период развития нашего государства стал затяжной кризис дезориентации общественного сознания.

Таким образом, крайне важно сегодня, в эпоху глобальных политических преобразований, выстраивать новые культурные комплексы в различных общественных сферах с учетом конкретного содержания социально-культурного наследия.

Список литературы

1. *Рукавишников В.О.* Политическая культура постсоветской России // Социально-политический журнал. – 1998. – № 1. – С. 43–53.
2. *Савельев П.Ю.* История государства и права России. Источники права. Юридические памятники XI–XX вв. – Москва: Манускрипт, 1995. – 256 с.
3. *Авдонин В.С., Акульшин П.В., Гераськин Ю.В., Кирьянова Е.А., Соколов А.С., Соколов Е.Н., Тарабрин Е.Г.* История Рязанского края. 1778–2007 / под ред. П.В. Акульшина. – Рязань: Рязанская областная типография, 2007. – 448 с.
4. *Акульшин П.В., Князева И.С.* Выборы и представительство Рязанской губернии в Государственной Думе Российской империи. – Рязань: Рязанская областная типография, 2011. – 280 с.
5. *Князева И.С.* Региональное представительство в Государственной Думе Российской империи по материалам Рязанской губернии: автореф. ... дис. канд. ист. наук: 07.00.02. – Владимир, 2010. – 21 с.
6. *Андрианов Ю.Ю.* Из истории выборов в I–II Государственные Думы в Рязанской губернии // Исторические, социально-экономические и педагогические проблемы культуры: материалы науч.-практ. конф. – Рязань, 1998. – С. 186–188.
7. *Мираков М.В.* Крайне правые в Рязанской губернии (1905–1917 гг.): численность и социальный состав // Рязанская область и Центральный регион в контексте российской истории: материалы межрегион. науч.-практ. конф. – Рязань: Изд-во РИАМЗ, 2003. – С. 224–231.
8. *Кирьянова Е.А., Дроздова Е.А.* Рязанцы в I–IV Государственных Думах // Материалы и исследования по рязанскому краеведению: сб. ст. – Рязань: Рязанский областной институт развития образования, 2002.

References

1. *Rukavishnikov V.O.* Politicheskaya kul'tura postsovetskoj Rossii // Social'no-politicheskij zhurnal. – 1998. – № 1. – S. 43–53.
2. *Savel'ev P.Yu.* Istoriya gosudarstva i prava Rossii. Istochniki prava. Yuridicheskie pamyatniki XI–XX vv. – Moskva: Manuscript, 1995. – 256 s.
3. *Avdonin V.S., Akul'shin P.V., Geras'kin Yu.V., Kir'yanova E.A., Sokolov A.S., Sokolov E.N., Tarabrin E.G.* Istoriya Ryazanskogo kraja. 1778–2007 / pod red. P.V. Akul'shina. – Ryazan': Ryazanskaya oblastnaya tipografiya, 2007. – 448 s.
4. *Akul'shin P.V., Knyazeva I.S.* Vybory i predstavitel'stvo Ryazanskoj gubernii v Gosudarstvennoj Dume Rossijskoj imperii. – Ryazan': Ryazanskaya oblastnaya tipografiya, 2011. – 280 s.
5. *Knyazeva I.S.* Regional'noe predstavitel'stvo v Gosudarstvennoj Dume Rossijskoj imperii po materialam Ryazanskoj gubernii: avtoref. ... dis. kand. ist. nauk: 07.00.02. – Vladimir, 2010. – 21 s.

6. *Andrianov Yu.Yu.* Iz istorii vyborov v I–II Gosudarstvennye Dumy v Ryazanskoj gubernii // Istoricheskie, social'no-ekonomicheskie i pedagogicheskie problemy kul'tury: materialy nauch.-prakt. konf. – Ryazan', 1998. – S. 186–188.
7. *Mirakov M.V.* Krajne pravye v Ryazanskoj gubernii (1905–1917 gg.): chislennost' i social'nyj sostav // Ryazanskaya oblast' i Central'nyj region v kontekste rossijskoj istorii: materialy mezhtregion. nauch.-prakt. konf. – Ryazan': Izd-vo RIAMZ, 2003. – S. 224–231.
8. *Kir'yanova E.A., Drozdova E.A.* Ryazancy v I–IV Gosudarstvennyh Dumah // Materialy i issledovaniya po ryazanskomu kraevedeniyu: sb. st. – Ryazan': Ryazanskij oblastnoj institut razvitiya obrazovaniya, 2002.

УДК 316.374+340.121+378

МЕСТО ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ

Бабурин Сергей Николаевич^{1,2},

*д-р юрид. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный академик Национальной академии наук Кыргызской Республики, иностранный член Академии наук Абхазии,
e-mail: 1357343@mail.ru,*

¹Московский университет имени С.Ю. Витте, г. Москва, Россия,

²Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия

Цель исследования – оценить место юридического образования в цивилизационной культуре современности, определить роль в нем особенностей культурно-исторических типов. За основу взято рассмотрение культуры как совокупности ценностей, обычаев и традиций общества, совокупности знаний, приобретенных с течением времени, без которых та или иная совокупность людей не может воспроизводиться и существовать. Аргументируется важность теоцентрического построения культуры. Юридическое образование отражает и закрепляет особенности цивилизационной культуры народа, преследует своей целью заложить у юристов и, в целом, в обществе понимание правоведения как совокупности юридических принципов, правил и норм должного поведения, рассмотрение государства как политико-правовой формы самоорганизации общества. Оно изучается как показатель цивилизационной культуры, дефекты которого негативно сказываются на всех сторонах жизни общества и способны деформировать саму культуру. Обеспечивая преемственность политико-правовых идеалов каждой нации, юридическое образование способствует сохранению культурной самобытности народов, их архетипов, отображает и охраняет многообразие цивилизационного развития человечества.

Ключевые слова: юридическое образование, право, культура, цивилизация, духовно-нравственные ценности, традиция

THE PLACE OF LEGAL EDUCATION IN CIVILIZATIONAL CULTURE

Baburin S.N.^{1,2},

*Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation,
Honorary Academician of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic,
Foreign Member of the Academy of Sciences of Abkhazia,
e-mail: 1357343@mail.ru,*

¹Moscow Witte University, Moscow, Russia,

²Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

The purpose of the study is to assess the place of legal education in the civilizational culture of our time, to determine the role of cultural and historical types in legal education. It is based on the consideration of culture as a set of values, customs and traditions of society, a body of knowledge acquired overtime, without which a particular set of people cannot be reproduced and exist. The importance of the theocentric construction of culture is argued. Legal education reflects and consolidates the features of the civilizational culture of the people, aims to lay in lawyers and in society as a whole an understanding of jurisprudence as a set of legal principles, rules and norms of proper behavior, consideration of the state as a political and legal form of self-organization of society. Education is considered as an indicator of civilizational culture, the defects of which adversely affect all aspects of society, capable of deforming the culture itself. Ensuring the continuity of the political and legal ideals of each nation, it contributes to the preservation of the cultural identity of peoples, their archetypes, reflects and protects the diversity of the civilizational development of mankind.

Keywords: legal education, law, culture, civilization, spiritual and moral values, tradition

DOI 10.21777/2587-9472-2023-2-12-18

Российское юридическое образование, болезненно избавляющееся от последствий слепого погружения в общеевропейское пространство высшего образования, созданного на основе Болонской образовательной системы, обретает ныне черты своей цивилизационной принадлежности. Тем более важно, чтобы этот процесс сопровождался осмыслением места юридического образования в палитре мировых цивилизаций или, как определял Н.Я. Данилевский, культурно-исторических типов [1, с. 91–92, 471–472].

Место университетов в мировой культуре, определившееся много веков назад, не изменилось – это корпорации, занятые «взрачиванием и защитой высочайших устремлений и идеалов сообщества», которые не ограничиваются той или иной формой экономического подхода [2, с. 124–125]. Именно университеты – источники инноваций и креативного мышления. Единство образовательного пространства Европы покоится на общеевропейском преклонении перед университетами. Это элемент общей культуры, который не надо копировать, но которому не грех учиться. Именно такое отношение общества и государства к образованию может быть основой устойчивого развития в будущем.

Подчеркнем важность организационных и мировоззренческих основ юридического образования. Важную созидательную роль играет само существование университетских академических свобод как гарантий коллективам вузов при реализации ими своей деятельности в области исследований и образования моральной и интеллектуальной независимости по отношению к любой политической и экономической власти. Свобода исследований, образования и подготовки, будучи фундаментальным принципом жизни университетов, должна быть гарантирована как государственными властями, так и самими университетами, каждым в своей области компетенции.

В высшем образовании не должно существовать географических и политических границ во взаимном познании и взаимодействии культур. При этом следует помнить о том, что сходство формальных правовых систем не означает одинакового функционирования правовых культур на практике. Любая культура несет в себе печать своего формирования и функционирования в конкретном социокультурном пространстве [3, с. 31]. Европейское юридическое образование, например, формально урегулированное многочисленными соглашениями в рамках Болонской системы образования [4], сохраняет существенные национальные различия, а между странами англо-саксонской и германо-романской правовой традиции они являются очень существенными.

Если объектом научного исследования является материальная или идеальная система, а предметом – структура системы, взаимодействие ее элементов, различные свойства и закономерности развития¹, то в сфере юридического образования следует учитывать как наличие генеральной преемственности, т.е. восприятия наиболее важных, суперзначимых ценностей [5], так и культурно-исторические особенности и привычки образовательных методик.

Не сводя культуру к материальному культурному наследию [6], основные подходы к пониманию культуры заключаются в рассмотрении ее как совокупности ценностей, обычаев и традиций общества, совокупности знаний, приобретенных с течением времени, без которых та или иная совокупность людей не может воспроизводиться и существовать [7; 8]. В культуру как особый тип деятельности человека включаются процессы образования и воспитания подрастающих поколений [9, с. 13].

Если отбросить оговорки и лукавую политкорректность, то культура может быть или традиционной, тогда она теоцентрична, или модернистской, антропоцентричной [8, с. 113]. Пришло ныне время услышать ученых, призывающих, чтобы человек на более высоком уровне сознания учился взаимодействовать не только с материальным миром, но и с Богом [10, с. 14]. Отторжение человека и общества от Бога, сформировавшееся под влиянием Просвещения, и породило современный глобальный духовно-нравственный кризис.

Право выступает базовой регулятивной формой культуры, ценностно значимым «продуктом» саморазвития цивилизации, нации, этноса, закономерным явлением эволюции их бытия². Юридическое образование призвано обеспечить преемственность и непрерывность этой регулятивной формы.

¹ Понкин И.В., Лантеева А.И. Методология научных исследований и прикладной аналитики: учебник. – 2-е изд., доп. и перераб. – Москва: Буки Веди, 2021. – С. 140; Медицинская диссертация: руководство / авт.-сост. С.А. Трущелёв; под ред. И.Н. Денисова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: ГЭОТАР-Медиа, 2009. – С. 33, 59.

² Общая теория права: классические и современные вопросы: учебник / В.Я. Любашиц, А.Ю. Мордовцев, А.Ю. Мамычев, Е.А. Апольский. – Москва: Юрлитинформ, 2021. – С. 84.

Именно состояние культуры нации предопределяет ее пассионарный потенциал. Сформулировавший пять важных законов культурно-исторического (цивилизационного) развития народов Н.Я. Данилевский отмечал, что при малом потенциале самобытного развития своей культурной основы целые народы становятся лишь этнографическим материалом, включаемым в состав исторических организмов – культурно-исторических типов [1, с. 89]. Развитие современных государств, строившееся последние столетия на основе космополитического универсализма, оказалось в тупике абсурда без учета культурно-исторических особенностей каждого народа, архетипов его национального самосознания.

Каждая демократически организованная страна создает правовой механизм реализации пожеланий личности [11, с. 424], что не освобождает ее от необходимости своевременно и успешно отвечать на вызовы времени. В том же Евросоюзе разбалансировка управленческих механизмов, наметившаяся со времен конституционного кризиса 2005 г. [12, с. 15], получила мощную подпитку не только Брекситом 2016 г., но и форсированной деградацией европейской духовно-нравственной культуры. Возрождается значимая роль религиозного фактора в культуре и образовании. Великая Исламская революция 1979 г. в Иране задала вектор признания религиозной основы и конституирования традиционных духовно-нравственных ценностей. В России этот процесс зафиксирован конституционной реформой 2020 г. На Западе кризис европейской идентичности привел к возвращению церковью в политику, усилению их влияния, способствовал институализации околоцерковных гражданских институтов в демократическую правовую систему при всей ее внешней безрелигиозности [Там же, с. 122].

Рационализация общественных отношений, сопровождающая уже несколько десятилетий научно-техническую революцию, сопровождается увеличением объемов правового регулирования и ростом количественно-качественных параметров права, что требует качественного юридического обеспечения всего того, что происходит в жизни. Как справедливо отмечал Г.В. Мальцев, в любой общественной системе прогресс права осуществляется неизбежно, но не беспредельно и не в любых направлениях [13, с. 166]. От перерождения, обесценивания и неэффективности права спасти общество может лишь высоконравственная и профессионально безупречная деятельность юристов, опирающаяся на добротное юридическое знание.

Фактор образования в социальной динамике огромен. «Образование – это краеугольный камень общества и государства..., – подчеркивает Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. – Общество развивается, опираясь на знания. Без знаний не может быть развития, а если оно и происходит, то способно завести людей в тупик, породить разочарование или даже большие беды» [14, с. 229]. Юридическое образование преследует своей целью заложить у юристов и, в целом, в обществе понимание правоведения как совокупности юридических принципов, правил и норм должного поведения, рассмотрение государства как политико-правовой формы самоорганизации общества. Так, например, изучение конституционного права предполагает постижение в процессе образовательной деятельности текстового содержания и структуры его норм, институтов, подотраслей и отрасли права в целом. Результатом же такого изучения (образовательной деятельности) должно стать глубокое знание конституционного права как ведущей отрасли и ядра всей национальной системы права, умение понимать смысл и дух правовых норм, приобретенные навыки по их научному толкованию и практическому применению³. Аналогичны задачи и других отраслей права, задающих параметры отраслевой специальной подготовки кадров.

Соответственно, важно, анализируя текущие проблемы российской высшей школы, постоянно рассматривать юридическое образование как показатель цивилизационной культуры, дефекты которого негативно сказываются на всех сторонах жизни общества, деформируют саму культуру.

Эксперименты в системе высшего образования – норма, а не исключение, именно они дают основание для творчества, совершенствования образовательных стандартов и методик, а также для оценки полученного опыта. Нельзя превращать образовательный процесс в бесконечный эксперимент с перманентным бессистемным обновлением ФГОС и учебных планов, тем более что никто не подводил и не подводит итогов этого эксперимента [10, с. 31]. Извращенное применение в российском образовании нормативов Болонской образовательной системы сыграло для юридического образования печальную

³ Конституционное право: академический курс: учебник: в 3 т. / под ред. А.И. Казанника, А.Н. Костюкова. – Москва: Проспект, 2021. – Т. 1. – С. 12.

роль [4; 15–18]. Жаль, что никто из инициаторов столь жестокого эксперимента над Россией не ответил за последствия его проведения. Впрочем, этот эксперимент еще далек от завершения.

Конечно, юридическое образование отражает и закрепляет особенности цивилизационной культуры народа. Если государство, право и правосознание, например, в цивилизационной культуре многих народов Востока строятся на жертвенности индивида во имя общего блага, сопровождающейся стремлением личности к внутреннему совершенствованию, то правоведение современного Запада высшими ценностями полагает жизнь человека, его права и свободы. Восток символизирует традицию, современный Запад – ее отрицание. Цивилизационные различия культур прямо влияют на содержание юридического образования.

Традиционное русское правосознание разительно отличается и от западного (европейского), и от восточного. Для всех христианских народов высшей духовно-нравственной ценностью выступает любовь как совокупность совершенства (См.: Послание апостола Павла к Колоссянам, 3:14), наивысшая и величайшая из христианских добродетелей. Для русских человеческая личность не сводима к природе и способна любить до самопожертвования, когда жизнь приносится в жертву из любви к Родине или во имя спасения души. В русской традиции понимание того, что в свободе скрывается сокровенная суть человека, предполагает не только свободу как непосильное для человека бремя, разрешаемое на пути смирения [19], но и ее безграничность, когда каждое ущемление свободы ощущается как оскорбление достоинства личности. С позиции юридической теологии, свобода как процесс различения добра и зла, как процесс реализации этого различения отражает субстанциональность свободы как высшего дара Бога человеку и абсолютного блага как активной формы единства мироздания [20, с. 214, 216].

Адаптировать уровни различных цивилизационных подходов к российскому юридическому образованию невозможно. Противостояние культур затрагивает намного более глубокие пласты человеческой психики, чем противостояние политическое. В таком противостоянии практически невозможно прийти к соглашению, поскольку для диалога нет основы: участники конфликта не имеют общих понятий, каждый из них оперирует мировоззрением своей культуры. Юридическое образование как ни одно другое выступает официальным проводником такого мировоззрения. Слишком велика роль преемственности исторического развития государств и народов в сфере образования и всех социальных и государственно-правовых институтов [21, с. 10]. Отдельная существенная причина тому – нарастающее ныне воздействие на образование многофакторного мира виртуальной реальности.

Юридическое образование, обеспечивая преемственность политико-правовых идеалов каждой нации, способствует сохранению культурной самобытности народов, их архетипов, отображает и охраняет многообразие цивилизационного развития человечества. Отсюда и важность закрепления в юридическом образовании особенностей существующих культурно-исторических типов. Мечты современных либералов о всемирной постзападной цивилизации, в которой будет утрачена строгая вертикальная иерархия, произойдет отказ от мобилизационной политики, а общество будет обладать динамичностью, сетевым принципом организации, творческим характером социальной деятельности, безграничным пространством функционирования независимых социальных субъектов [22, с. 48, 52, 66], остаются секулярными космополитическими грезами.

Важно, чтобы столь необходимое для поступательного развития экспериментирование с юридическим образованием не становилось отрицанием традиции, не вело к эвтаназии национальной культуры и правосознания. Не следует путать способность творчески осваивать достижения юридического образования других стран с бездумным копированием чужого опыта, чужих принципов и образовательных стандартов.

Список литературы

1. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – Москва: Книга, 1991. – 574 с.
2. Коллини С. Зачем нужны университеты? – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 266 с.
3. Миронов В.В. Трансформация культуры в пространстве глобальной коммуникации. – Санкт-Петербург: СПбГУП, 2019. – 60 с.
4. Бурцев А.К., Звонова В.А. Болонский процесс. Основополагающие материалы. – Москва: Финансы и статистика, 2007. – 86 с.

5. *Осавелюк А.М.* Бог в Конституции России: новые смыслы и акценты (О некоторых изменениях в Конституции РФ, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Государство и право. – 2020. – № 12. – С. 57–65.
6. *Житенёв С.Ю., Бахровский Е.В., Боярский П.В., Венкова А.В., Волков И.В., Горелова Ю.Р., Горлова И.И., Гуров М.Б., Дерябина Е.Д., Ельчанинов А.И., Ефимов А.В., Загорюлько А.В., Закунов Ю.А., Золотова Т.Н., Коваленко Т.В., Ларионцев М.М., Мозговой С.А., Окороков А.В., Пархоменко Т.А., Плужников В.И., Поляков Т.П., Романова Д.Я., Рябов С.А., Селезнёва И.А., Соловьёв А.П., Спивак Д.Л., Филатова Н.В.* Наука о культуре. К 90-летию Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева / отв. ред. С.Ю. Житенёв. – Москва: Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева, 2022. – 314 с.
7. *Сазонникова Е.В.* Категория «культура» в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Культура: управление, экономика, право. – 2021. – № 2. – С. 21–23.
8. *Кириченко О.В.* Общие вопросы этнографии русского народа. Традиция. Этнос. Религия. – Санкт-Петербург: Алетей, 2020. – 958 с.
9. *Андрущенко В.П.* Идеологическая эффективность культуры. – Киев: Выща шк., 1988. – 191 с.
10. Русская школа в XXI в.: в 9 кн. Книга 2. Мировоззренческие основания современного российского образования / под ред. протоиерея Геннадия Заридзе, В.М. Меньшикова, С.В. Перевезенцева. – Москва; Курск: Квадрига, 2022. – 776 с.
11. *Авакьян С.А.* Представительство в конституционном праве: вопросы теории и практики. – Москва: Юстицинформ, 2022. – 484 с.
12. *Громыко Ал.А., Журкин В.В., Фёдоров В.П., Носов М.Г., Антюшина Н.М., Бабынина Л.О., Бажан А.И., Белов В.Б., Биссон Л.С., Борко Ю.А., Буторина О.В., Водопьянова Е.В., Галкин А.А., Гладков И.С., Говорова Н.В., Гончаренко С.Н., Гусев К.Н., Данилов Д.А., Журавель В.П., Камкин А.К., Кандель П.Е., Каргалова М.В., Кондратьева Н.Б., Лункин Р.Н., Максимычев И.Ф., Потёмкина О.Ю., Рубинский Ю.И., Циренчиков В.С., Швейцер В.Я., Шишелина Л.Н., Щербак И.Н., Орлова В.В.* Европа XXI века. Новые вызовы и риски / под общ. ред. Ал. А. Громыко, В.П. Фёдорова. – Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2017. – 584 с.
13. *Мальцев Г.В.* Развитие права: к единению с разумом и наукой. – Москва: Международный юридический институт при Минюсте России, 2005. – 200 с.
14. *Теребихин В.М.* Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. О смыслах. – Москва: Изд-во Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2018. – 456 с.
15. *Бабурин С.Н.* Образование в ценностных приоритетах обновляющегося российского государства // Россия в XXI в.: образование как важный цивилизационный институт развития и формирования российской культурно-исторической идентичности: сб. ст. XXX Моисеевских чтений / под общ. ред. М.Ч. Залиханова, С.А. Степанова. – Москва: Академия МНЭПУ, 2022. – С. 31–35.
16. *Бабурин С.Н.* Российская высшая школа в общеевропейском образовательном пространстве: оценка ситуации // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. – 2020. – № 3. – С. 5–11.
17. *Боброва Н.А.* Семь лет под прицелом мнимых мировых стандартов наукометрии // Конституционное и муниципальное право. – 2022. – № 4. – С. 74–80.
18. *Боброва Н.А.* Девальвация юридического образования: общетеоретический анализ // Образование и право. – 2018. – № 8. – С. 179–181.
19. *Жуков В.Н.* Свобода // Русская философия: энциклопедия. – 4-е изд., дораб. и доп. / под общ. ред. М.А. Маслина; сост. П.П. Апрышко, А.П. Поляков, Ю.Н. Солодухин. – Москва: Алгоритм: Мир философии, 2022.
20. *Масленников Д.В.* Идея богочеловека в контексте юридической теологии и философии права // Право. Порядок. Ценности / под общ. ред. Е.А. Фроловой. – Москва: Блок-Принт, 2023. – С. 214–223.
21. *Скуратов Ю.И.* Евразийская парадигма России и современные проблемы ее конституционно-правового развития. – Москва: Проспект, 2021. – 416 с.
22. Постзападная цивилизация. Либерализм: прошлое, настоящее и будущее / под общ. ред. С.Н. Юшенкова. – Москва: Новый фактор: Минувшее, 2002. – 437 с.

References

1. *Danilevskij N.Ya.* Rossiya i Evropa. – Moskva: Kniga, 1991. – 574 s.
2. *Kollini S.* Zachem nuzhny universitet? – Moskva: Izd. dom Vysšej shkoly ekonomiki, 2016. – 266 s.
3. *Mironov V.V.* Transformaciya kul'tury v prostranstve global'noj kommunikacii. – Sankt-Peterburg: SPbGUP, 2019. – 60 s.
4. *Burcev A.K., Zvonova V.A.* Bolonskij process. Osnovopolagayushchie materialy. – Moskva: Finansy i statistika, 2007. – 86 s.
5. *Osavelyuk A.M.* Bog v Konstitucii Rossii: novye smysly i akcenty (O nekotoryh izmeneniyah v Konstitucii RF, odobrennyh v hode obshcherossijskogo golosovaniya 1 iyulya 2020 g.) // Gosudarstvo i pravo. – 2020. – № 12. – S. 57–65.
6. *Zhitenyov S.Yu., Bahrovskij E.V., Boyarskij P.V., Venkova A.V., Volkov I.V., Gorelova Yu.R., Gorlova I.I., Gurov M.B., Deryabina E.D., El'chaninov A.I., Efimov A.V., Zagorul'ko A.V., Zakunov Yu.A., Zolotova T.N., Kovalenko T.V., Larioncev M.M., Mozgovej S.A., Okorokov A.V., Parhomenko T.A., Pluzhnikov V.I., Polyakov T.P., Romanova D.Ya., Ryabov S.A., Seleznyova I.A., Solov'ev A.P., Spivak D.L., Filatova N.V.* Nauka o kul'ture. K 90-letiyu Rossijskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta kul'turnogo i prirodnogo naslediya imeni D.S. Lihacheva / otv. red. S.Yu. Zhitenyov. – Moskva: Rossijskij nauchno-issledovatel'skij institut kul'turnogo i prirodnogo naslediya imeni D.S. Lihacheva, 2022. – 314 s.
7. *Sazonnikova E.V.* Kategoriya "kul'tura" v resheniyah Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii // Kul'tura: upravlenie, ekonomika, pravo. – 2021. – № 2. – S. 21–23.
8. *Kirichenko O.V.* Obshchie voprosy etnografii russkogo naroda. Tradiciya. Etnos. Religiya. – Sankt-Peterburg: Aletejya, 2020. – 958 s.
9. *Andrushchenko V.P.* Ideologicheskaya effektivnost' kul'tury. – Kiev: Vyshcha shk., 1988. – 191 s.
10. Russkaya shkola v XXI v.: v 9 kn. Kniga 2. Mirovozzrencheskie osnovaniya sovremennogo rossijskogo obrazovaniya / pod red. protoiereya Gennadiya Zaridze, V.M. Men'shikova, S.V. Perevezenceva. – Moskva; Kursk: Kvadriga, 2022. – 776 s.
11. *Avak'yan S.A.* Predstavitel'stvo v konstitucionnom prave: voprosy teorii i praktiki. – Moskva: Yusticinform, 2022. – 484 s.
12. *Gromyko A.I., Zhurkin V.V., Fyodorov V.P., Nosov M.G., Antyushina N.M., Babynina L.O., Bazhan A.I., Belov V.B., Bisson L.S., Borko Yu.A., Butorina O.V., Vodop'yanova E.V., Galkin A.A., Gladkov I.S., Govorova N.V., Goncharenko S.N., Gusev K.N., Danilov D.A., Zhuravel' V.P., Kamkin A.K., Kandel' P.E., Kargalova M.V., Kondrat'eva N.B., Lunkin R.N., Maksimychiev I.F., Potyomkina O.Yu., Rubinskij Yu.I., Cirenshchikov V.S., Shvejcer V.Ya., Shishelina L.N., Shcherbak I.N., Orlova V.V.* Evropa XXI veka. Novye vyzovy i riski / pod obshch. red. A.I. Gromyko, V.P. Fyodorova. – Moskva; Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya, 2017. – 584 s.
13. *Mal'cev G.V.* Razvitie prava: k edineniyu s razumom i naukoj. – Moskva: Mezhdunarodnyj yuridicheskij institut pri Minyuste Rossii, 2005. – 200 s.
14. *Terebihin V.M.* Patriarh Moskovskij i vseya Rusi Kirill. O smyslah. – Moskva: Izd-vo Moskovskoj Patriarhii Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi, 2018. – 456 s.
15. *Baburin S.N.* Obrazovanie v cennostnyh prioritetah obnovlyayushchegosya rossijskogo gosudarstva // Rossiya v XXI v.: obrazovanie kak vazhnyj civilizacionnyj institut razvitiya i formirovaniya rossijskoj kul'turno-istoricheskoy identichnosti: sb. st. XXX Moiseevskih chtenij / pod obshch. red. M.Ch. Zalihanova, S.A. Stepanova. – Moskva: Akademiya MNEPU, 2022. – S. 31–35.
16. *Baburin S.N.* Rossijskaya vysshaya shkola v obshcheevropejskom obrazovatel'nom prostranstve: ocenka situacii // Vestnik Moskovskogo universiteta imeni S.Yu. Vitte. Seriya 2. Yuridicheskie nauki. – 2020. – № 3. – S. 5–11.
17. *Bobrova N.A.* Sem' let pod pricelom mnimyh mirovyh standartov naukometrii // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. – 2022. – № 4. – S. 74–80.
18. *Bobrova N.A.* Deval'vaciya yuridicheskogo obrazovaniya: obshcheteoreticheskij analiz // Obrazovanie i pravo. – 2018. – № 8. – S. 179–181.
19. *Zhukov V.N.* Svoboda // Russkaya filosofiya: enciklopediya. – 4-e izd., dorab. i dop. / pod obshch. red. M.A. Maslina; sost. P.P. Apyrshko, A.P. Polyakov, Yu.N. Soloduhin. – Moskva: Algoritm: Mir filosofii, 2022.

20. *Maslennikov D.V.* Ideya bogocheloveka v kontekste yuridicheskoy teologii i filosofii prava // Pravo. Poryadok. Cennosti / pod obshch. red. E.A. Frolovoj. – Moskva: Blok-Print, 2023. – S. 214–223.
21. *Skuratov Yu.I.* Evrazijskaya paradigma Rossii i sovremennye problemy eyo konstitucionno-pravovogo razvitiya. – Moskva: Prospekt, 2021. – 416 s.
22. Postzapadnaya civilizaciya. Liberalizm: proshloe, nastoyashchee i budushchee / pod obshch. red. S.N. Yushenkova. – Moskva: Novyj faktor: Minushee, 2002. – 437 s.

УДК 341.485+614.2

ГЕНЕТИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ: ВОЗМОЖНОСТЬ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Кувырченкова Татьяна Владимировна¹,

канд. юрид. наук,

e-mail: kuvirchenkova@rambler.ru,

Черевко Владимир Владимирович^{2,3},

e-mail: Cherevkovv@bk.ru,

¹Тверской государственной университет, г. Тверь, Россия,

²Институт государственного управления и права
Государственного университета управления, г. Москва, Россия,

³Академия управления производства, г. Москва, Россия

Международные нормы содержат запрет на разработку, производство и применение различных видов оружия массового поражения. Интенсивное развитие новых технологий позволяет предположить возможность создания суперновых видов оружия, таких как бактериологическое, а также его разновидность – генетическое. Целью исследования является определение актуальности закрепления отдельными правовыми нормами (международными, региональными, национальными) запрета на разработку, производство, применение и хранение генетического оружия. Изучаются возможности современных геномных исследований (отдельно опыт Российской Федерации и США в этой области), осуществляется анализ потенциального применения бактериологического оружия, приводится характеристика биотерроризма, а также определяются способы борьбы с указанным преступлением с использованием средств международных организаций. В статье применяются формально-юридический и сравнительно-правовой методы исследования. На основании научного анализа делается вывод о том, что угрозы разработки, производства и использования генетического (этнического) оружия имеются, т.к. они носят закрытый характер, но в настоящее время возможность создания указанного вида оружия отсутствует. Резюмируется нецелесообразность принятия отдельных правовых норм, запрещающих разработку, производство, применение и хранение генетического оружия.

Ключевые слова: генетическое (генное) оружие, оружие массового поражения, этническое оружие, биотерроризм

GENETIC WEAPONS: POSSIBILITY AND REALITY

Kuvyrchenkova T.V.¹,

Candidate of Legal Sciences,

e-mail: kuvirchenkova@rambler.ru,

Cherevko V.V.^{2,3},

e-mail: Cherevkovv@bk.ru,

¹Tver State University, Tver, Russia,

²Institute of State Management and Law of the State University of Management, Moscow, Russia,

³Academy of Management and Production, Moscow, Russia

International norms contain a ban on the development, production and use of various types of weapons of mass destruction. The intensive development of new technologies suggests the possibility of creating super-new types of weapons, such as bacteriological and genetic weapons as its variety. The purpose of the study is to determine the relevance of fixing a ban on the development, production, use and storage of genetic weapons by separate legal norms (international, regional, national). The authors studied the possibilities of modern genomic research (the experience of the Russian Federation and the United States in this area were considered separately), analyzed the potential use of bacteriological weapons, characterizes bioterrorism, and determines ways to combat this

crime using the funds of international organizations. During the study formal-legal, comparative-legal research methods were used. On the basis of scientific analysis the conclusion has been made that there are threats to the development, production and use of genetic (ethnic) weapons, since they are of a closed nature, but at the present time there is no possibility of creating this type of weapon. It has been summarized that the inexpediency of adopting separate legal norms prohibiting the development, production, use and storage of genetic weapons.

Keywords: genetic (gene) weapons, weapons of mass destruction, ethnic weapons, bioterrorism

DOI 10.21777/2587-9472-2023-2-19-23

Оружие массового уничтожения определяется как «оружие, действие которого невозможно контролировать, то есть установить в его отношении пространственные или временные рамки, против которого не существует эффективной защиты и которое приводит к массовому и неизбирательному уничтожению живых существ. Иногда его называют оружием неизбирательного характера...» [1, с. 329]. К такому виду оружия относят биологическое, ядерное, химическое и некоторые иные его виды. Применение последних существует в большей степени в теории, нежели на практике.

Согласно некоторым исследователям, «в узком смысле под биологическим оружием имеется в виду оружие, содержащее патогены или инфекционные микроорганизмы, быстро размножающиеся и вызывающие тяжелые инфекционные заболевания, в частности уничтожающие людей, домашний скот, посеvy и сельскохозяйственные культуры. К этой категории, обладающей множеством особенностей, относятся бактерии, а также вирусы, грибы, паразиты и прионы. Однако для обозначения всех видов такого оружия зачастую используют единое название – бактериологическое оружие» [Там же, с. 336].

Еще в сентябре 2003 г., выступая на заседании Генеральной Ассамблеи ООН, Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций К. Аннан предложил создать Группу высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам. В 2004 г. приведенной группой был подготовлен доклад, в котором определены основные угрозы на десятилетие. Одной из угроз в указанном докладе значилось биологическое оружие. Это еще раз подтвердило важность запрета разработки, производства и накопления запасов биологического оружия.

Целью применения биологического оружия могут быть не только люди, но и животные, растения. В связи с этим появились разработки, основанные на переносе генов с помощью микроорганизмов и получении сильнодействующих токсинов животного и растительного происхождения. Если страны производят сельскохозяйственную монокультуру (пшеница, картофель, рис, хлопок, кукуруза), то генетическая атака может нанести огромный ущерб всей экономике государства. Указанные разработки велись еще во времена Второй мировой войны в Германии. Аналогичные программы разрабатывались и в Японии [2, с. 457–458].

Генетическое (генное) или этническое оружие в теории является разновидностью биологического (бактериологического), т.к. оно должно быть направлено на уничтожение населения, исходя из его расовых, этнических или половых различий, т.е. предполагает уничтожение и лиц определенной нации. Цель поражения достигается путем изменения структуры, мутаций генов, что, соответственно, приведет к нарушению здоровья конкретного человека и, возможно, его смерти.

Словосочетание «этническое оружие» раскрывает цели его применения – против конкретных этнических либо расовых групп населения, исходя из ряда возможных генетических особенностей.

Предполагается, что его потенциальное использование может являться одним из средств такого тяжкого международного преступления, как геноцид, причем ликвидации будут подвергнуты не только вооруженные силы противника, но и большинство мирного населения. В связи с этим генетическое оружие относят к оружию массового поражения. Оно может превосходить по масштабам уничтожения населения ядерное, химическое оружие. Идеи чистых рас, ранее высказывавшиеся некоторыми диктаторами (арийская раса), сохранились и до наших дней. С появлением генетики, как отдельной отрасли научного познания, возникают и исследования в области этнического оружия, однако эти разработки являются закрытыми.

Развитие правового регулирования геномных исследований протекает неоднородно. Международный и региональный уровни нормотворчества отличаются. Для каждого государства отличия предо-

пределены уровнем научно-технического развития. Большое влияние на правовое регулирование этой сферы оказывают нормы международного мягкого права [3, с. 77].

События последних трех лет актуализировали вопросы биологической безопасности, что связано, в том числе, с безопасностью генетических и геномных технологий. Материалы научных исследований не подтвердили факт искусственного происхождения вируса COVID-19, но такая возможность в будущем имеется, поэтому вопросы создания геномного оружия поднимаются вновь [4, с. 38].

Опасение указанного развития ситуации существует со стороны не только научного сообщества, но и большинства стран мира. Как считают некоторые авторы, «руководство ряда государств справедливо проявляет озабоченность этими вызовами, в особенности связанными с использованием вооружения на основе биотехнологий» [5, с. 17].

Ученые некоторых стран занимаются работами в области геномной инженерии с целью идентификации отличительных генов. Очень активно и достаточно давно такая деятельность ведется в США, где с 2000 г. существует программа по сбору генетического материала жителей разных государств, являясь частью проекта 1000 Genomes. Кроме того, разработана новая программа «Протеом», предполагающая создание протеомной карты, включающей основные белки плазмы крови, печени, головного мозга.

Многие ученые, в том числе и российские, выражают определенную озабоченность в связи с возможным неконтролируемым распространением геномной информации. Связано это, с одной стороны, с нарастающим прогрессом в указанной области, а с другой – с масштабностью возможных угроз вплоть до создания биологического генетического оружия [6, с. 42].

Как утверждал доктор биологических наук, заведующий лабораторией геномной географии Института общей генетики РАН О. Балановский, в настоящее время отсутствуют генетические маркеры, пригодные для идентификации определенной расы, нации и т.д.¹, поэтому можно однозначно утверждать, что создать генетическое оружие невозможно. Неосуществимость подобных идей заключается в том, что нельзя найти, например, «чистый этнос», т.к. на протяжении длительного времени различные нации, народности, расы перемешивались между собой, поэтому, уничтожая одну нацию, убьете и другую. Обнаружив на территории Украины в ходе специальной военной операции биологические лаборатории, в средствах массовой информации говорилось о том, что на Украине под контролем и финансированием США занимались разработкой биологического, а также генетического оружия². Однако ученые России, Украины и других стран мира высказались однозначно – современная наука не имеет возможности для создания геномного оружия.

Еще 16 декабря 1971 г. была одобрена резолюцией 2826 (XXVI) Генеральной Ассамблеи ООН Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении³.

Понимая возможную опасность разработок в области генетических технологий, человечество принимает международные нормы, включающие положения, устанавливающие правовые рамки, обеспечивающие защиту прав человека и его достоинства. Такова цель принятия Конвенции о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением биологии и медицины – Конвенции о правах человека и биомедицине ETS № 164 (принята Комитетом министров Совета Европы 19 ноября 1996 г.) (далее – Конвенция). Речь, конечно же, не идет о разработках генетического оружия, но принципы Конвенции закрепляют приоритет прав и свобод человека над интересами общества, государства и науки (ст. 2 «Верховенство человека»). Так, в ст. 4 «Профессиональные стандарты» прямо указывается на то, что любое вмешательство в сферу здоровья, включая научные исследования, должно осуществ-

¹ Грозит ли нам генетическое оружие? Олег Балановский, Александр Панчин. Ученые против мифов 14-13. – URL: <http://www.youtube.com/watch?v=GZWSxCBlrY> (дата обращения: 12.06.2023). – Текст: электронный.

² В России рассказали об американских биологических лабораториях и подготовке Украиной вторжения в Донбасс. – Текст: электронный // Информационный портал фонда «Русский мир»: [официальный сайт]. – URL: <http://www.russkiymir.ru/news/298671> (дата обращения: 21.03.2023).

³ Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении: [одобр. резолюцией 2826 (XXVI) Генеральной Ассамблеи ООН 16 декабря 1971 г.]. – Текст: электронный // Организация Объединенных Наций: [официальный сайт]. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bacweap.shtml (дата обращения: 12.06.2023).

вляться при соблюдении профессиональных обязанностей и стандартов⁴. В ст. 13 «Вмешательство в геном человека» в качестве превентивной меры провозглашено, что вмешательство, имеющее своей целью изменить геном человека, может быть предпринято лишь в профилактических, диагностических или терапевтических целях и только в том случае, если оно не направлено на внесение изменений в геном наследственности⁵.

В международном праве к международным преступным действиям относятся использование, разработка, производство или хранение биологического оружия. Если же такие действия предпринимает террористическая организация, то их можно квалифицировать как биотерроризм. Так, в рамках организации Интерпол предприняты определенные меры, направленные на борьбу с биотерроризмом. Это и Программа предотвращения биотерроризма (текст программы размещен на сайте Интерпола), и Оперативное руководство Интерпола по расследованию биологического и химического терроризма в даркнете, и создание специального подразделения по предотвращению биотерроризма. Интерпол определяет биотерроризм как преднамеренное высвобождение биологических агентов или токсинов с целью причинения вреда или убийства людей, животных или растений с намерением запугать или принудить правительство или гражданское население к достижению политических или социальных целей⁶.

На современном этапе развития международной уголовной ответственности появляются новые составы международных преступлений, такие как биоцид, геноцид, терроцид (уничтожение Земли как геополитического тела) [7, с. 55].

В настоящее время международные, региональные, национальные правовые нормы закрепляют лишь запрет биологического (бактериологического) оружия. Генетическое оружие, как вид биологического оружия, не получило отдельного запрета. Это связано, возможно, с тем, что в настоящее время перед человечеством не стоит острой проблемы о его возможном использовании, т.к. в действительности данного оружия пока не существует.

Генетики отвергают возможность создания генетического оружия, потому что, как указывал Е.В. Клещенок, «в геноме нет никакой пятой графы, никакого дискретного участка, где была бы записана этническая принадлежность. Этническая группа с точки зрения генетики – огромное множество слабо связанных между собой небольших особенностей генома, раскиданных по 6 млрд нуклеотидов» [8, с. 270]. Мировое сообщество и ученые высказывают опасение в этом вопросе, заявляя, что «вывод о невозможности найти в геноме надежные отличительные признаки принадлежности к той или иной общности (например, национальной) был справедлив вчера, возможно, он верен еще сегодня, но не завтра» [9, с. 145].

Таким образом, можно сделать обобщающий вывод о том, что необходимость закрепления отдельными правовыми нормами (международными, региональными, национальными) запрета на разработку, производство, применение и хранение генетического оружия пока отсутствует.

Список литературы

1. *Кривокапич Б.Д.* Международное право в период вооруженных конфликтов. – Самара: Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 2021. – 836 с.
2. *Мамин Р.Г.* Экология войны (исторические факты, прогнозы и версии). – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Экономика, 2011. – 493 с.
3. *Калиниченко П.А., Некотенева М.В.* Особенности правового регулирования геномных исследований на международном и европейском уровне // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2020. – № 4. – С. 68–78.
4. *Лисаченко А.В.* Правовое обеспечение безопасности применения результатов генетических технологий как элемент государственной политики: состояние и перспективы // Российский юридический журнал. – 2020. – № 6. – С. 38–46.

⁴ Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением биологии и медицины: конвенция о правах человека и биомедицине ETS № 164: [принята Комитетом министров Совета Европы 19 ноября 1996 г.]. – Текст: электронный // Гарант: [официальный сайт]. – URL: <http://www.base.garant.ru/2562155> (дата обращения: 12.06.2023).

⁵ Там же.

⁶ Интерпол: [официальный сайт]. – URL: <http://www.interpol.int/Crimes/Terrorism/Bioterrorism> (дата обращения: 04.02.2023). – Текст: электронный.

5. *Шевырев Д.Н.* Биологическая безопасность: социально-правовые и терминологические характеристики // Юрист. – 2020. – № 4. – С. 16–22.
6. *Радостева Ю.В.* Защита геномной информации в виртуальном пространстве // Российский юридический журнал. – 2019. – № 3. – С. 42–45.
7. *Триkoz Е.Н., Хаминский Я.М.* Формирование института ответственности за преступления против мира и безопасности человечества // *Advances in Law Studies*. – 2019. – Т. 7, № 4. – С. 51–55.
8. *Клещенко Е.В.* ДНК и ее человек: краткая история ДНК-идентификации. – Москва: Альпина нон-фикшн, 2019. – 314 с.
9. *Лисаченко А.В.* Правовой режим «больших геномных данных»: за и против свободного обращения // Российский юридический журнал. – 2022. – № 2. – С. 140–151.

References

1. *Krivokapich B.D.* *Mezhdunarodnoe pravo v period vooruzhennykh konfliktov*. – Samara: Samarskij nacional'nyj issledovatel'skij universitet imeni akademika S.P. Koroleva, 2021. – 836 s.
2. *Mamin R.G.* *Ekologiya vojny (istoricheskie fakty, prognozy i versii)*. – 2-e izd., pererab. i dop. – Moskva: Ekonomika, 2011. – 493 s.
3. *Kalinichenko P.A., Nekoteneva M.V.* Osobennosti pravovogo regulirovaniya genomnykh issledovanij na mezhdunarodnom i evropejskom urovne // *Vestnik universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)*. – 2020. – № 4. – С. 68–78.
4. *Lisachenko A.V.* Pravovoe obespechenie bezopasnosti primeneniya rezul'tatov geneticheskikh tekhnologij kak element gosudarstvennoj politiki: sostoyanie i perspektivy // *Rossijskij yuridicheskij zhurnal*. – 2020. – № 6. – С. 38–46.
5. *Shevyrev D.N.* *Biologicheskaya bezopasnost': social'no-pravovye i terminologicheskie harakteristiki* // *Yurist*. – 2020. – № 4. – С. 16–22.
6. *Radosteva Yu.V.* *Zashchita genomnoj informacii v virtual'nom prostranstve* // *Rossijskij yuridicheskij zhurnal*. – 2019. – № 3. – С. 42–45.
7. *Trikoz E.N., Haminskij Ya.M.* *Formirovanie instituta otvetstvennosti za prestupleniya protiv mira i bezopasnosti chelovechestva* // *Advances in Law Studies*. – 2019. – Т. 7, № 4. – С. 51–55.
8. *Kleshchenko E.V.* *DNK i ee chelovek: kratkaya istoriya DNK-identifikacii*. – Moskva: Al'pina non-fikshn, 2019. – 314 s.
9. *Lisachenko A.V.* *Pravovoj rezhim “bol'shih genomnykh dannyh”*: za i protiv svobodnogo obrashcheniya // *Rossijskij yuridicheskij zhurnal*. – 2022. – № 2. – С. 140–151.

УДК 347.92

К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ В ДЕЛАХ ПО ВНОВЬ ОТКРЫВШИМСЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ

Лунев Анатолий Андреевич¹,

канд. техн. наук,

e-mail: Lunyov-a@yandex.ru,

Цыганков Александр Юрьевич¹,

канд. юрид. наук, доцент,

e-mail: tsygan.alexandr2017@yandex.ru,

¹Московский университет имени С.Ю. Витте, г. Москва, Россия

Статья посвящена проблеме ошибочной оценки судьями в ходе рассмотрения гражданских дел по вновь открывшимся обстоятельствам. В процессе судебных разбирательств нередко возникают ситуации, когда в ходе дела появляются новые обстоятельства, которые могут оказывать существенное влияние на результат иска или судебного решения. Вопрос оценки таких вновь открывшихся обстоятельств является одним из ключевых аспектов юридической практики. Включение в дело материалов, открывающих неявные до того обстоятельства дела, зачастую не регламентируется судебной процедурой и полностью зависит от так называемого «внутреннего убеждения» судьи. Цель исследования заключается в обосновании внедрения в процедуру гражданского судопроизводства алгоритма процесса принятия решения для снижения в судах общей юрисдикции количества неправосудных решений. В рамках приведенного подхода предлагается на законодательном уровне принять государственную программу для внедрения стандартов судопроизводства и правоприменения в целях исключения в процессе принятия судебных решений фактора «внутреннего убеждения» судьи, являющегося, в сущности, случайным.

Ключевые слова: оценка доказательств, ответственность судьи, внутреннее убеждение, алгоритм принятия решения

ON THE ISSUE OF ASSESSING THE CIRCUMSTANCES IN CASES OF NEWLY DISCOVERED CIRCUMSTANCES

Lunev A.A.¹,

Candidate of Technical Sciences,

e-mail: Lunyov-a@yandex.ru,

Tsygankov A.Yu.¹,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,

e-mail: tsygan.alexandr2017@yandex.ru,

¹Moscow Witte University, Moscow, Russia

The work is devoted to the problem of erroneous assessment by judges during the consideration of civil cases due to newly discovered circumstances. In the process of litigation, situations often arise when new circumstances appear in the course of the case, which may have a significant impact on the outcome of the claim or court decision. The issue of assessing such newly discovered circumstances is one of the key aspects of legal practice. The inclusion in the case of materials that reveal previously implicit circumstances of the case is often not regulated by the judicial procedure and completely depends on the so-called “internal conviction” of the judge. The purpose of this study is to justify the introduction of a decision-making algorithm into the procedure of civil proceedings in order to reduce the number of unjust decisions in courts of general jurisdiction. Within the framework of this approach, it is proposed to adopt at the legislative level a state program for the implementation of standards of legal proceedings and law enforcement in order to

exclude the “inner conviction” factor of a judge in the process of making judicial decisions, which is, in essence, random.

Keywords: evaluation of evidence, judge’s responsibility, internal conviction, decision-making algorithm

DOI 10.21777/2587-9472-2023-2-24-29

Судебная практика по делам по вновь открывшимся обстоятельствам

Институт пересмотра дел по вновь открывшимся обстоятельствам преследует две цели: проверка правильности судебного акта и восстановление справедливости в случае ее нарушения. Основания для пересмотра решения по новым или вновь открывшимся обстоятельствам определены в ст. 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ)¹. Если понятие новых обстоятельств сформулировано так, что их правоприменение достаточно однозначно, то определение вновь открывшихся обстоятельств является неоднозначным.

Согласно п. 1 ч. 2 ст. 392 ГПК РФ вновь открывшиеся обстоятельства – это обстоятельства, существовавшие на момент принятия судебного постановления и существенные для дела. К ним, в свою очередь, относятся:

- 1) существенные для дела обстоятельства, которые не были и не могли быть известны заявителю;
- 2) заведомо ложные показания свидетеля, заведомо ложное заключение эксперта, заведомо неправильный перевод, фальсификация доказательств, повлекшие за собой принятие незаконного или необоснованного судебного постановления и установленные вступившим в законную силу приговором суда;
- 3) преступления сторон, других лиц, участвующих в деле, их представителей, преступления судей, совершенные при рассмотрении и разрешении данного дела и установленные вступившим в законную силу приговором суда.

Наиболее неоднозначным здесь является первый пункт: существенные для дела обстоятельства, которые не были и не могли быть известны заявителю. Сентенция «не могли быть известны» всегда может подвергаться сомнению.

Согласно же ст. 55 ГПК РФ доказательства – это не юридические факты, а сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон дела.

Уточним понятия факта и обстоятельств. Факт – это то, что уже свершилось. Юридический факт – это события или действия, которые влекут наступление правовых последствий. Обстоятельства – это условие или ситуация, при которых возникает факт.

Таким образом, вновь открывшиеся обстоятельства – это юридические факты, которые должны устанавливаться с помощью доказательств. Они имеют признаки неизвестности, по не зависящим причинам для суда и заявителя, и существенности, т.е. возможности влияния на выводы суда [1].

Судебная практика по делам по вновь открывшимся обстоятельствам в настоящее время совсем незначительна. Так, в Отчете² отсутствует выборка по этому виду судебных актов. Согласно же статистическим данным по состоянию на 2022 г., в Верховном Суде Российской Федерации рассмотрено 69 950 дел, однако к делам по вновь открывшимся обстоятельствам относится всего одно дело, т.е. 0,0014 % от всех рассмотренных дел³.

Рассмотрим восемь случаев судебной практики по вновь открывшимся обстоятельствам, приведенным в таблице.

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: [от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

² Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции за шесть месяцев 2022 г. – URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 04.06.2023). – Текст: электронный.

³ Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде Российской Федерации в 2022 г. административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел: [утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации]. – URL: <http://www.vsrp.ru/documents/statistics/?year=2023> (дата обращения: 12.05.2023). – Текст: электронный.

В пяти случаях (кроме трех заявлений за пределами срока, три последних акта) дела рассматривались кассационными инстанциями, коллегиями Мособлсуда, коллегиями Верховного Суда Российской Федерации, т.е. в судебной практике судам сложно отграничить существенные для дела обстоятельства, которые не были и не могли быть известны заявителю, и новые доказательства для обоснования при пересмотре судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам.

Как видно, в ряде случаев использование института по новым и вновь открывшимся обстоятельствам в гражданском процессе происходит в результате отказа в удовлетворении исковых требований во всех инстанциях и является последней надеждой на возобновление дела. В то же время в арбитражном процессе встречаются дела, подлежащие рассмотрению по вновь открывшимся обстоятельствам [2].

Таблица – Судебные акты вышестоящих инстанций по рассмотрению дел по вновь открывшимся обстоятельствам

№ п/п	Судебный акт	Источник
1	Постановление Президиума Московского городского суда от 2 августа 2015 г. Дело № 44г-98	Информационно-правовой портал «Логос». – URL: http://www.logos-pravo.ru/postanovlenie-prezidiuma-moskovskogo-gorodskogo-sudaot-8-oktyabrya-2010-goda-po-delu-no-44g-16710 (дата обращения: 04.06.2023). – Текст: электронный
2	Определение Верховного Суда Российской Федерации от 19 марта 2013 г. Дело № 18-КГ13-16	Информационно-правовой портал «Гарант.ру». – URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70396164 (дата обращения: 12.06.2023). – Текст: электронный
3	Апелляционное определение Московского городского суда от 22 января 2014 г. Дело № 33-161	Информационно-правовой портал «Гарант.ру». – URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/digest/20161019_3 (дата обращения: 06.06.2023). – Текст: электронный
4	Апелляционное определение Кемеровского областного суда от 5 июля 2016 г. Дело № 33-8875/2016	Информационно-правовой портал «Гарант.ру». – URL: http://www.base.garant.ru/142803871 (дата обращения: 19.06.2023). – Текст: электронный
5	Апелляционное определение Пермского краевого суда от 23 апреля 2016 г. Дело № 33-3823/2016	Информационно-правовой портал «Гарант.ру». – URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/101116056 (дата обращения: 28.06.2023). – Текст: электронный
6	Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 28 июня 2016 г. Дело № 33-6526/2016	Справочно-правовая система «Росправосудие». – URL: http://www.rospravosudie.com/court-novosibirskij-oblastnojsud-novosibirskaya-oblast-s/act-525421392 (дата обращения: 21.06.2023). – Текст: электронный
7	Определение Московского областного суда от 21 июля 2011 г. Дело № 33-16508/2011	Сборник архива судебной практики судов общей юрисдикции РФ. – URL: http://www.sudpraktika.com/sudlist5.htm (дата обращения: 19.06.2023). – Текст: электронный
8	Апелляционное определение Московского областного суда от 19 июня 2013 г. Дело № 33-11445/2013	Справочно-правовая система «Росправосудие». – URL: http://www.rospravosudie.com/court-moskovskij-oblastnojsud-moskovskaya-oblast-s/act-473579514 (дата обращения: 07.06.2023). – Текст: электронный

Из обозначенных примеров следует, что пересмотр по вновь открывшимся обстоятельствам требует значительных навыков и компетентности от истца [3] в целях убеждения суда в существенности таких обстоятельств для пересмотра дела.

Положения, содержащиеся в ГПК РФ, допускают в правоприменительной практике возможность произвольного истолкования их судьей, в том числе не исключается возможность использования такого толкования в пользу одной из сторон спора.

Авторы, анализирующие правоприменение по пересмотру актов по вновь открывшимся обстоятельствам, обычно в заключении предлагают дефиниции в ГПК РФ и редакционные поправки, позволяющие, по их мнению, избежать недостатков при правоприменении. Проблема же видится в другом, а именно в отсутствии ответственности судьи за неправоудное решение.

Ответственность судьи

В Конституции Российской Федерации декларируются независимость и беспристрастность судьи⁴, что предполагает декларативное запрещение влияния на судью при осуществлении правосудия.

⁴ Конституция Российской Федерации. – Ч. 1. – Ст. 120. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 04.06.2023). – Текст: электронный.

Согласно п. 2 ст. 3 Закона Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»⁵ судья должен устранить все, что вызывает сомнение в его объективности и беспристрастности. Гражданский процессуальный кодекс РФ рассматривает беспристрастность как условие осуществления правосудия судьей, а Кодекс судейской этики также говорит об этом⁶.

В то же время судья зависит от своего внутреннего убеждения, жизненных приоритетов и целей. На судью оказывают влияние председатель суда, органы власти и прокуратуры, стороны спора.

Влияние на судью председателя суда достаточно исследовано в литературе [4], однако влияние других факторов прослеживается только по исходу дел и не поддается системному анализу. Под влиянием описанных факторов судья может принимать неправосудные решения сознательно либо в силу некомпетентности⁷. В ряде случаев судьи для обоснования решения используют аргументы и доказательства только одной стороны и, в нарушение ст. 198 ГПК РФ⁸, не указывают мотивы, по которым суд отверг иные доказательства, принял или отклонил приведенные в обоснование своих требований и возражений доводы лиц, участвующих в деле.

Верховный Суд Российской Федерации указал, что судья не несет ответственности за судебную ошибку, в результате которой был принят неправильный судебный акт, поскольку судья принимает решение на основании своего убеждения и не должен отвечать в том случае, если у вышестоящей инстанции сложилось другое мнение⁹. Такова индульгенция для судьи, в основе которой лежит эфемерное понятие «убеждение судьи».

В гражданском деле нет обстоятельств, имеющих для судьи обязательное значение, т.е. судья сам определяет, что имеет значение, а что – нет. Неправосудное решение может быть «засилено» вышестоящими инстанциями и становится законным.

Регламентация процедуры принятия решения

Проблема неправосудных решений могла быть существенно устранена заменой понятия «убеждение судьи» из ст. 67 ГПК РФ на регламентированную процедуру принятия решения, т.е. стандартом, при нарушении которого решение становится необоснованным, незаконным и подлежит отмене [5].

Один из возможных алгоритмов для стандартизации принятия решения предложен бывшим арбитражным судьей В. Добровольским в виде чек-листа, который должен быть утвержден в виде закона [6]. В уголовном и административном процессе есть такой чек-лист судебной защиты^{10,11}.

Предложение В. Добровольского заключается в следующем: «Судебное решение структурируется по обстоятельствам, а каждому обстоятельству соответствуют обязательные разделы, в результате чего имеется возможность оценивать работу судьи. При этом анализ судебной практики станет достаточно простым. Судья, адвокат, прокурор должны использовать одну и ту же компьютерную программу, в основе которой лежат шаблон и опросный лист. Заявление в суд должно составляться на основе опросного листа, содержащего обстоятельства, подлежащие доказыванию. В отсутствие доказательств, программа предлагает составить ходатайство о его получении при помощи другого опросного листа. Информация из соответствующего раздела поданного в суд документа должна попадать в соответствующий ему раздел акта. Помимо воли судьи. В задачи судьи входит лишь оценка этой информации. Про-

⁵ О статусе судей в Российской Федерации: Закон Российской Федерации: [от 26 июня 1992 г. № 3131-1]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 09.07.2023). – Текст: электронный.

⁶ Кодекс судейской этики: [утв. VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 г.] (ред. от 1 декабря 2022 г.). – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 18.06.2023). – Текст: электронный.

⁷ Гражданское процессуальное право России: учебник / Н.Д. Эриашвили, И.В. Петров, А.Н. Кузбагаров [и др.]. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – 575 с.

⁸ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации. – Ч. 2. – Ст. 12. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.04.2023). – Текст: электронный.

⁹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации: [от 14 апреля 2016 г.]. – № 13. – П. 2. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 23.05.2023). – Текст: электронный.

¹⁰ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: [от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ]. – Ст. 73. – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 04.06.2023). – Текст: электронный.

¹¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: [от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ]. – Ст. 26.1. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.04.2023). – Текст: электронный.

грамма не должна позволять судье распечатать судебный акт, если в нем не заполнены обязательные разделы, посвященные обстоятельствам, доказательствам, ходатайствам и т.д.» [6, с. 3].

Здесь, правда, потребуются некоторые навыки для заявителей исков. Предлагаемые В. Добровольским изменения позволяют решать целый комплекс задач, в том числе помогают установить критерии для оценки работы судей. Он пишет: «В этом случае любое вынесенное судьей решение можно проверить по чек-листу, который публичен и понятен каждому. Решение с разделами, обязательными для заполнения, делает работу судьи прозрачной, в этом случае он будет сидеть, заимствуя термин из авиации, как в "стеклянной кабине"» [Там же, с. 5].

Предлагаемый В. Добровольским подход вписывается во внедрение искусственного интеллекта в судопроизводство как метод решения обозначенных проблем и как вспомогательный инструмент для анализа судебных документов.

Следует обратить внимание на то, что система судопроизводства входит в число приоритетных направлений развития и использования технологий искусственного интеллекта, указанных в п. 20 Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.¹² В России имеются многочисленные противники внедрения искусственного интеллекта в судопроизводство. Так, судья Верховного Суда Российской Федерации В. Момотов полагает¹³, что искусственный интеллект характеризуется своими автономией и независимостью от человека, а «камнем преткновения» в вопросе его внедрения в судебную систему является, в свою очередь, отнюдь не только невозможность искусственного воссоздания «внутреннего убеждения судьи».

На основании проведенного анализа А.М. Наджафов и И.М. Леженникова предлагают изъять из ст. 71 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и ст. 67 ГПК РФ такой признак, как «внутреннее убеждение», т.к. он является абстрактной и легко изменяемой категорией в зависимости от восприятия [7]. Данное предложение представляется верным, поскольку внутреннее убеждение судьи является неизмеряемым, неконтролируемым, случайным фактором в процессе принятия решения, которое может приводить к неправосудным решениям, за которые судья не несет никакой ответственности.

Убеждения судей никак не тестируются, т.е. априори предполагается, что это очень совестливые и высокоморальные персоны. Однако прослушивание их телефонных разговоров полностью опровергает приведенную конструкцию. Примером являются аресты судей в Краснодарском крае и Ростовской области. Например, в г. Волгограде судят за мошенничество председателя районного суда г. Краснодара Геннадия Байрука¹⁴. Так, «квалификационная коллегия судей выборочно изучила дела и обнаружила, что он систематически нарушал материальное и процессуальное право», т.е. судья систематически выносил неправомерные решения, о чем стало известно только после привлечения его к суду. Указанные события еще раз подтверждают необходимость внедрения искусственного интеллекта в судопроизводство как способ решения ряда проблем [8].

В результате проведенного анализа проблем, связанных с ошибочной оценкой судьями вновь открывшихся обстоятельств в ходе рассмотрения дел и неправомерных решений, являющихся следствием подобной оценки, а также затронутых в связи с ними вопросов, связанных с возможностью внедрения искусственного интеллекта в судебный процесс, можно сделать следующие выводы:

1) в судебной практике имеет место неверная оценка судами вновь открывшихся обстоятельств и доказательств. Это происходит вследствие либо недостаточной квалификации судей, либо их заинтересованности в результате для одной из сторон спора, при этом положения, содержащиеся в норме ГПК РФ, допускают в правоприменительной практике возможность произвольного истолкования их судьей. Для того чтобы отграничивать новые доказательства от вновь открывшихся или новых обстоятельств, необходимо разрабатывать процедуры, которые позволят более полно регулировать порядок пересмотра;

¹² О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации: [от 10 октября 2019 г. № 490]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 04.06.2023). – Текст: электронный.

¹³ XVI Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения) «Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции» и другие мероприятия в рамках VI Московского юридического форума. – URL: <http://www.msal.ru/news/zakrytie-vi-moskovskogo-yuridicheskogo-foruma> (дата обращения: 04.06.2023). – Текст: электронный.

¹⁴ Селихов В. В Волгограде судят за крупное мошенничество председателя районного суда Краснодара. – Текст: электронный // Новостной интернет-ресурс «Волгоград онлайн»: [офиц. сайт]. – <http://www.v1.ru/text/gorod/2023/05/24/72334388> (дата обращения: 08.06.2023).

2) снятие ответственности судьи за судебную ошибку, в результате которой был принят неправильный судебный акт, не позволяет отграничить коррупционную составляющую решения от некомпетентности судьи. Термин «внутреннее убеждение» судьи не определяется в ГПК РФ, не поддается измерению и верификации;

3) разумно создать площадку для обсуждения вопросов, связанных с внедрением искусственного интеллекта в судопроизводство, коррекции ГПК РФ. С этой целью необходимо осуществить мониторинг авторов, заинтересованных в данной тематике, выпустить статьи на эту тему. Задачей такой площадки будет принятие на законодательном уровне стандартов судопроизводства и правоприменения для уменьшения субъективизма в правоприменении и сокращения рутинных процедур.

Список литературы

1. *Забрамная Н.Ю.* Пересмотр судебных постановлений по вновь открывшимся или новым обстоятельствам в гражданском процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15. – Москва, 2017. – 30 с.
2. *Конonenko A.B.* Пересмотр решения суда по вновь открывшимся обстоятельствам // Главная книга. – 2018. – № 20.
3. *Цыганков А.Ю., Щетинщиков Н.Н.* Особенности пересмотра судебных актов в арбитражном суде апелляционной инстанции // Актуальные проблемы современного законодательства Российской Федерации: сб. ст. / под ред. О.В. Ефимовой, В.Г. Голышева. – Москва: Саратовский источник, 2023. – С. 140–145.
4. *Рогожкин А.А.* Проблема зависимости судей от председателей судов // Молодой ученый. – 2021. – № 31. – С. 124–126.
5. *Слабоспицкий А.С., Эльдерханов М.А.* Основные вещно-правовые способы защиты гражданских прав // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. – 2022. – № 3. – С. 50–57.
6. *Добровольский В.* Чего боится судья? // Юрист компании. – Москва, 2018.
7. *Наджафов А.М., Леженникова И.М.* Влияние внутреннего убеждения судьи на оценку доказательств при рассмотрении дел в арбитражных судах и в судах общей юрисдикции // Российский судья. – 2018. – № 4. – С. 25–29.
8. *Журавлева М.Д.* К вопросу о внедрении и использовании систем искусственного интеллекта в гражданском судопроизводстве // Гуманитарные и политико-правовые исследования. – 2021. – № 1. – С. 20–28.

References

1. *Zabramnaya N.Yu.* Peresmotr sudebnykh postanovlenij po vnov' otkryvshimsya ili novym obstoyatel'stvam v grazhdanskom processe: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.15. – Moskva, 2017. – 30 s.
2. *Kononenko A.V.* Peresmotr resheniya suda po vnov' otkryvshimsya obstoyatel'stvam // Glavnaya kniga. – 2018. – № 20.
3. *Cyganikov A.Yu., Shchetinshchikov N.N.* Osobennosti peresmotra sudebnykh aktov v arbitrazhnom sude apellyacionnoj instancii // Aktual'nye problemy sovremennogo zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii: sb. st. / pod red. O.V. Efimovoj, V.G. Golyшева. – Moskva: Saratovskij istochnik, 2023. – S. 140–145.
4. *Rogozhkin A.A.* Problema zavisimosti sudej ot predsedatelej sudov // Molodoj uchenyj. – 2021. – № 31. – S. 124–126.
5. *Slabospickij A.S., El'derhanov M.A.* Osnovnye veshchno-pravovye sposoby zashchity grazhdanskih prav // Vestnik Moskovskogo universiteta imeni S.Yu. Vitte. Seriya 2. Yuridicheskie nauki. – 2022. – № 3. – S. 50–57.
6. *Dobrovol'skij V.* Chego boitsya sud'ya? // Yurist kompanii. – Moskva, 2018.
7. *Nadzhafov A.M., Lezhennikova I.M.* Vliyanie vnutrennego ubezhdeniya sud'i na ocenku dokazatel'stv pri rassmotrenii del v arbitrazhnyh sudah i v sudah obshchej yurisdikcii // Rossijskij sud'ya. – 2018. – № 4. – S. 25–29.
8. *Zhuravleva M.D.* K voprosu o vnedrenii i ispol'zovanii sistem iskusstvennogo intellekta v grazhdanskom sudoproizvodstve // Gumanitarnye i politiko-pravovye issledovaniya. – 2021. – № 1. – S. 20–28.

УДК 347

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ ЦИФРОВИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Романова Ирина Николаевна¹,

канд. юрид. наук, доцент,
e-mail: vip_irinaromanova@list.ru,

Видова Татьяна Александровна¹,

канд. ист. наук, доцент,
зам. зав. кафедрой гражданско-правовых дисциплин,
e-mail: tatyanaabron@yandex.ru,

¹Московский университет имени С.Ю. Витте, филиал в г. Рязани, г. Рязань, Россия

Статья посвящена актуальным вопросам имплементации цифровых технологий в сферу юриспруденции. Современное движение общества в направлении цифровизации вовлекает в свою орбиту все большее число социальных отношений – от науки и образования до экономики и права. Развитие цифровых технологий затрагивает область как частного, так и публичного права, что требует серьезного анализа ключевых факторов внедрения цифровых технологий в область гражданского права. Целью исследования являются: выявление правового понимания понятия цифровых технологий вообще и искусственного интеллекта в частности; анализ преимуществ и рисков использования цифровых технологий в цивилистике; внесение предложений по совершенствованию имплементации цифровых технологий в сферу юриспруденции. Формулируется вывод о необходимости законодательного регулирования применения цифровых технологий в общественных системах и предлагается введение правовых режимов экспериментального характера, которые могут стать инструментами, в перспективе проявляющими свою эффективность в рамках решения задачи по инновационному и безопасному внедрению цифровых технологий в гражданское право.

Ключевые слова: цифровизация, цифровые технологии, искусственный интеллект, юриспруденция, гражданское право

PROBLEMS AND PROSPECTS OF IMPLEMENTATION OF DIGITALIZATION IN MODERN CIVIL LAW

Romanova I.N.¹,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
e-mail: vip_irinaromanova@list.ru,

Vidova T.A.¹,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Deputy Head of Department of Civil Law Disciplines,
e-mail: tatyanaabron@yandex.ru,

¹Moscow Witte University, the branch in Ryazan, Ryazan, Russia

The article is devoted to relevant issues of the implementation of digital technologies in the field of jurisprudence. The modern movement of society towards digitalization involves an increasing number of social relations into its orbit – from science and education to economics and law. The development of digital technologies affects both the field of private and public law, which requires a serious analysis of the key factors of the introduction of digital technologies in the field of civil law. The purpose of this article is: to identify the legal understanding of the concept of digital technologies in general, and artificial intelligence in particular; to analyze the advantages and risks of using digital technologies in civil law; to make proposals for improving the implementation of digital technologies in the field of jurisprudence. The authors conclude that there is a need for legislative regulation of the use of digital technologies in public systems and propose the introduction of experimental legal regimes,

which can become the tools that in the future can show their effectiveness in solving the problem of innovative and safe implementation of digital technologies in civil law.

Keywords: digitalization, digital technologies, artificial intelligence, jurisprudence, civil law

DOI 10.21777/2587-9472-2023-2-30-35

Введение

На сегодняшний день можно утверждать, что российское государство пребывает на стадии развития нового цивилизационного этапа, сопряженного с построением пространства, в котором ключевая роль отводится информационным ресурсам, а также стремительному развитию электронных цифровых технологий в самых разнообразных отраслях и сферах жизнедеятельности человека и общества.

Общество в условиях цифровизации можно представить как проект глобального характера, имеющий своей ключевой целью выстраивание совершенно нового общественного порядка, управление которым производится самыми разнообразными технологиями информационно-телекоммуникационного свойства, базирующимися на применении сетевых компьютерных ресурсов локального и глобального характера, способных производить не только технический сбор, но и соответствующую обработку, генерацию и последующее распространение информационных потоков посредством применения сетевых ресурсов глобального характера.

Непрекращающееся стремительное возрастание населения нашей планеты, а также объективная потребность в поиске и развитии ресурсов, способных поддерживать ее жизнедеятельность на оптимальном уровне, со временем привели ко всеобщему осознанию того факта, что цифровая экономика уже не ограничена какими-то отдельными сферами, такими как, к примеру, предпринимательский сектор, некоторые виды услуг или выполняемых работ, а интенсивно и стремительно проникает в самые разнообразные сферы человеческой жизнедеятельности, в том числе и в такие как, например, образовательная, научная, культурная, а также сферы здравоохранения, права и др. [1].

Понятие искусственного интеллекта как объекта правового регулирования

Анализ воздействия цифровых технологий на сферу юриспруденции невозможен без подробного рассмотрения явления искусственного интеллекта как объекта регулирования с позиции гражданского права. Кроме того, экспоненциальный рост искусственного интеллекта стимулирует представителей научной цивилистической мысли к изучению данного явления как вполне автономного объекта, что, в свою очередь, вполне может выступать в качестве действенного стимула к совершенствованию действующего законодательства как на национальном, так и на международном уровне. Совершенствование процессов оперирования искусственного интеллекта, цифровизационные экономические и социальные процессы формируют новую реальность, нуждающуюся в понимании не только с научной точки зрения, но и с правовой [2].

В современное время очевидно, что сфера законодательной регламентации отношений, сопряженных с применением технологий искусственного интеллекта, значительно отстает от требований современного гражданского общества. В данном контексте объективно необходимыми становятся выработка цивилистической доктриной собственной позиции и подготовка четких и обстоятельных ответов на все вызовы нашего времени. Сложность на пути к достижению данной цели заключается в том, что складывающиеся в сфере применения технологий искусственного интеллекта общественные отношения в настоящее время уже сконфигурировали определенные сферы, регламентация которых при помощи способов и средств законодательного регулирования, зафиксированных в действующей законодательной базе, представляется крайне сложной.

Соответственно, важными представляются первоначальное определение понятия «искусственный интеллект» и дальнейшее применение к данной категории традиционных гражданско-правовых институтов, к которым неизменно относятся объект и субъект права, субъективное гражданское право, деликтоспособность, а также категория гражданско-правовой ответственности.

Искусственный интеллект можно представить как способность интеллектуальных систем выполнять творческие функции, которые традиционно считаются прерогативой человека, автономно и независимо от своих создателей. Действительно, сегодня искусственный интеллект определенно занял нишу мирового тренда, где ведется гонка ведущих экономик за первенство в этой сфере. Одной из значимых проблематик в области как разработки, так и применения технологий искусственного интеллекта, особенно в таких специфических сферах, как обеспечение национальной обороны и государственной безопасности, является защита важнейших нематериальных благ, таких как жизнь и здоровье человека, что относится к числу тех важных сфер, где должны быть исключены любые ошибки, а также где требуются выработка и гарантированность действенности компенсаторных механизмов, сопряженных с погрешностями в функционировании технологий искусственного интеллекта и персонификацией тех субъектов, которые должны быть привлечены к ответственности [3].

Проблемы внедрения цифровых технологий в юриспруденцию

Практические проблемы для законодателей возникают из-за отсутствия новых доктринальных подходов в науке гражданского права при решении проблем гражданско-правового регулирования отношений, возникающих в обществе с использованием технологий искусственного интеллекта как одного из этапов цифровизации общества и создания цифрового пространства в постиндустриальном обществе. Отсутствие норм, регулирующих особенности правового режима носителей искусственного интеллекта, созданных ими результатов интеллектуального труда, вносит неопределенность в регулирование возникающих отношений и вступает в противоречие с действующим законодательством в сфере «интеллектуального права», а также с нормами, определяющими правовой статус субъектов гражданского права.

Таким образом, можно констатировать факт того, что сфера имущественных отношений в общем гражданском обороте все интенсивнее и заметнее перемеживается на цифровые платформы, представляющие собой, по сути, определенную совокупность находящихся во взаимодействии друг с другом различных операционных систем, а также различных аппаратных средств, управляющих функционированием разнообразных приложений. В связи с тем что отечественный рынок выполняемых работ, оказываемых услуг и реализуемых товаров все интенсивнее перестраивается на цифровые платформы, наблюдается общая трансформационная динамика сформировавшихся в обществе отношений собственности, наделенных материальным компонентом, в плоскость виртуального характера, в которой действия совершаются зачастую автономно от воли и сознания человека.

Технологии, обеспечивающие разработку и последующее практическое применение технологий искусственного интеллекта, обуславливают постановку вопроса о разрешении проблематики эффективного обеспечения защиты человека от неблагоприятных факторов воздействия этих электронных цифровых технологий, а также приводят к тому, что возможные риски и угрозы для жизни и здоровья человека сводятся к минимуму.

При всей своей мощи технологии искусственного интеллекта склонны к допущению ошибок, цена которых подчас может иметь фатальный характер. Так, например, вполне способны привести к трагическим неблагоприятным последствиям для определенного круга лиц ошибки, допущенные при проведении процедуры медицинского обследования или консультирования при помощи технологий искусственного интеллекта. В свою очередь, ошибки искусственного разума способны повлечь за собой уничтожение человечества в массовом порядке, при условии допущения ошибки в функционировании системы национальной обороны и безопасности государства. Вместе с тем справедливым будет указание на то, что в разработке следующего поколения искусственного интеллекта, наделенного возможностью самообучаться и корректировать свои ошибки, специалисты по развитию искусственного интеллекта видят перспективное направление для приложения своих усилий. Данная идея в ходе своей реализации отвечает потребностям современного общества, облегчает работу над ошибками и контроль за искусственным интеллектом. Благодаря такому подходу отпадает необходимость переобучать программиста по обнаруженным ошибкам, т.е. программа сама сделает это за нас.

Проблема юридической ответственности при использовании искусственного интеллекта

Случаи выхода из строя и своевременное определение неправильной работы искусственного интеллекта ставят на первый план вопрос о персонификации субъекта гражданской ответственности, повлекшего их в процессе применения на практике IT-решений данного искусственного интеллекта. Иными словами, у всех участников указанного процесса должно быть сформировано полное понимание того, что между неправильной работой искусственного интеллекта и процессом устранения данной ошибки часто возникают последствия, приводящие к причинению вреда юридическим и физическим лицам, нарушению субъективных прав, сроков и условий по принятым обязательствам.

Выход из строя интеллектуальной системы происходит в одном, двух, или всех трех ее частях одновременно, а также нарушения возможны в базе знаний, средствах вычисления и самом интеллектуальном интерфейсе. У большинства программных продуктов существуют десятки авторов-разработчиков. Причины выхода из строя искусственного интеллекта часто кроются именно в групповой или индивидуальной ошибке при разработке данной технологии. Второй причиной является возникновение ошибки не по вине авторов искусственного интеллекта. Так, в результате использования открытого кода или открытой базы знаний, с постоянным обновлением ядра и наполнения ресурса, исходная база знаний с этапа разработки интеллектуальной системы может оказаться частично или полностью несовместимой, что приводит ко многим проблемам в работе [4].

Следовательно, как никогда остро стоит вопрос о том, кто несет юридическую ответственность за убытки и вред, причиненные искусственным интеллектом. Часть этих проблем юридической ответственности, связанных с применением искусственного интеллекта, исследовались российскими и иностранными юристами [5].

В контексте регулирования правоотношений правовое регулирование интеграции искусственного интеллекта в человеческое общество определяет возможности решения вопроса разделения юридической ответственности за убытки, нанесенные участникам гражданского общества. Эта задача ставит вопрос об определении места носителя искусственного интеллекта среди базовых терминов гражданского права, таких как «объект», «субъект» и «правоотношение». Приведенные термины дают возможность гражданскому праву выстроить системный подход в регулировании личных неимущественных, а также имущественных отношений.

Следовательно, носитель искусственного интеллекта может быть только объектом гражданских прав, а не его субъектом, однако это никак не влияет на сокращение числа проблем в юридической и цивилистической науке и правоприменительной практике гражданского права [6]. Указанные задачи решаются уже сейчас, в процессе разработки новой юридической нормы в гражданском праве для преодоления текущих правовых неопределенностей, существующих в гражданском обороте в процессе применения технологий искусственного интеллекта. Этому способствует и формализация технологии искусственного интеллекта в качестве юридического термина.

В современных научных трудах идет процесс переосмысления искусственного интеллекта в статусе «сущности электронного человека». Так, известный российский правовед, доктор экономических и юридических наук, ректор Российского университета дружбы народов, профессор О.А. Ястребов предлагает следующее определение «электронного человека»: «...есть персонифицированное единство правовых норм, что связывает и наделяет полномочиями искусственный интеллект "e-person", который обладает критерием "разумности"» [Цит. по: 7].

Определение электронного юридического лица, хотя бы и на доктринальном уровне, носителем технологий искусственного интеллекта требует критического осмысления. Сложно воспринимать электронное лицо как субъект права, а также как персонифицированное единство права, что объединяет их и дает определенные обязанности и полномочия. Такое единство дает большее право на появление его в форме нового отдельного гражданско-правового института, регулирующего вновь возникающие виды отношений с участием носителя искусственного интеллекта.

В настоящее время наука и практика гражданского права уже активно разрешают определенные проблемы с авторскими правами на результаты цифровой, IT и интеллектуальной деятельности, художественных полотен и музыкальных композиций, созданных носителем искусственного интеллекта.

Искусственный интеллект дает возможность дарить нам редкие нестандартные результаты интеллектуальной деятельности без участия людей. Авторские права в таком случае у носителя искусственного интеллекта формируют прецедент отмены большинства основополагающих концепций законодательства об охране прав автора. Кроме того, важна правовая определенность финансовой составляющей этого процесса, прибыли, получаемой носителем искусственного интеллекта, субъектов ответственности за ущерб и потери, причиненные деятельностью носителя искусственного интеллекта из-за ошибок в его функционировании. Соответственно, важно найти приемлемые решения, дать ответы на поставленные вопросы уже сегодня.

Основные направления правового регулирования цифровых технологий

Ключевой особенностью регулирования правоотношений с технологиями искусственного интеллекта является то, что работа внутри гражданского общества уже невозможна без использования искусственных интеллектуальных систем, позволяющих облегчить труд, что дает возможность без контроля и участия выполнять большинство творческих функций человека [8].

Современная стратегия развития регулирования правоотношений, связанных с использованием технологий искусственного интеллекта, выделяет три направления:

- 1) создание перечня автономных технологий, несущих опасность для человека невозможностью полного контроля за процессом;
- 2) классификация особенностей правового режима носителей искусственного интеллекта;
- 3) формирование научного учения в гражданском праве о носителе искусственного интеллекта как субъекте гражданского правоотношения, таких как «электронное лицо», или их сочетание с различными правовыми статусами «электронного юридического лица».

Заключение

Подводя итог, представляется возможным сформулировать вывод о том, что в контексте законотворчества при разработке правовых норм, регламентирующих сферу применения технологий искусственного интеллекта, принятие императивных нормативных актов видится оптимальным, поскольку нормативно-правовые акты, которые содержат диспозитивные начала, по сути, предоставляют возможность для субъективного усмотрения. Это представляет собой определенные риски и угрозы с точки зрения обеспечения безопасности как отдельных субъектов, так и общества, государства в целом.

В результате проведенного исследования нормативно-правовой регламентации сферы искусственного интеллекта и общественных отношений, возникающих в данной сфере как в одной из новых, сложных, представляющей собой определенные риски и потенциальные угрозы, что обуславливает объективную необходимость ее детального законодательного урегулирования, установлено, что введение правовых режимов экспериментального характера является тем инструментом, который в перспективе может показать свою эффективность в рамках решения задачи по конфигурированию специальных механизмов тестирования с задачей по дальнейшему внедрению данных решений в сферу цифровых инноваций и искусственного интеллекта. Такие режимы вполне способны позволить осуществлять деятельность по своевременной реализации разработок, минуя сложные бюрократические препоны, которые не учитывают специфику технологий не только больших данных, но и искусственного интеллекта. Экспериментальные правовые режимы не нуждаются в корректировках уже действующего законодательства и способны обеспечить надлежащую защиту прав и законных интересов отдельных граждан, общества в целом, а также государства. Экспериментальный юридический режим создаст надлежащие условия для понимания того, что необходимо исправить в нынешней концепции искусственного интеллекта, а также позволит проводить последовательное и целенаправленное тестирование правовых норм в этой сфере правового регулирования.

Список литературы

1. *Бегишев И.Р., Латыпова Е.Ю., Кирпичников Д.В.* Искусственный интеллект как правовая категория: доктринальный подход к разработке дефиниции // Актуальные проблемы экономики и права. – 2020. – № 14. – С. 79–91.
2. Искусственный интеллект в решении актуальных социальных и экономических проблем XXI в.: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. Л.Н. Ясницкого. – Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2016. – 211 с.
3. *Кравцов Д.А.* Искусственный разум: предупреждение и прогнозирование преступности // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 3. – С. 108–110.
4. *Морхат П.М.* Искусственный интеллект: правовой взгляд. – Москва: Буки Веди, 2017. – 257 с.
5. *Долматов А.В., Долматова Л.А.* Возможности и перспективы применения технологий искусственного интеллекта в юриспруденции // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2020. – № 1. – С. 44–49.
6. *Романова И.Н., Степаненкова Е.А.* Искусственный интеллект в системе отправления правосудия // Устойчивое развитие: исследования, инновации, трансформация: материалы XVIII Междунар. конгресса с элементами научной школы для молодых ученых. – Москва: Московский университет имени С.Ю. Витте, 2022. – С. 469–478.
7. *Пройдаков Э.М.* Современное состояние искусственного интеллекта // Научно-исследовательские исследования. – 2018. – № 1. – С. 129–153.
8. *Шушания Ш.С.* Искусственный интеллект в области юриспруденции и его влияние на экономическую и правовую деятельность человека // Право и экономика. – 2021. – № 11. – С. 12–17.

References

1. *Begishev I.R., Latypova E.Yu., Kirpichnikov D.V.* Iskusstvennyj intellekt kak pravovaya kategoriya: doktrinal'nyj podhod k razrabotke definicii // Aktual'nye problemy ekonomiki i prava. – 2020. – № 14. – S. 79–91.
2. Iskusstvennyj intellekt v reshenii aktual'nyh social'nyh i ekonomicheskikh problem XXI v.: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. / pod red. L.N. Yasnickogo. – Perm': Permskij gosudarstvennyj nacional'nyj issledovatel'skij universitet, 2016. – 211 s.
3. *Kravcov D.A.* Iskusstvennyj razum: preduprezhdenie i prognozirovanie prestupnosti // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2018. – № 3. – S. 108–110.
4. *Morhat P.M.* Iskusstvennyj intellekt: pravovoj vzglyad. – Moskva: Buki Vedi, 2017. – 257 s.
5. *Dolmatov A.V., Dolmatova L.A.* Vozmozhnosti i perspektivy primeneniya tekhnologij iskusstvennogo intellekta v yurisprudencii // Vestnik Sankt-Peterburgskoj yuridicheskoy akademii. – 2020. – № 1. – S. 44–49.
6. *Romanova I.N., Stepanenkova E.A.* Iskusstvennyj intellekt v sisteme otpravleniya pravosudiya // Ustojchivoe razvitie: issledovaniya, innovacii, transformaciya: materialy XVIII Mezhdunar. kongressa s elementami nauchnoj shkoly dlya molodyh uchenyh. – Moskva: Moskovskij universitet imeni S.Yu. Vitte, 2022. – S. 469–478.
7. *Projdakov E.M.* Sovremennoe sostoyanie iskusstvennogo intellekta // Naukovedcheskie issledovaniya. – 2018. – № 1. – S. 129–153.
8. *Shushaniya Sh.S.* Iskusstvennyj intellekt v oblasti yurisprudencii i ego vliyanie na ekonomicheskuyu i pravovuyu deyatel'nost' cheloveka // Pravo i ekonomika. – 2021. – № 11. – S. 12–17.

УДК 347.9

ИНСТИТУТ МЕДИАЦИИ КАК СТАБИЛИЗАТОР ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Слабоспицкий Анатолий Сергеевич^{1,2},
e-mail: slabospitskyas@gmail.com,

Олагян Валерия Гурамовна²,
e-mail: valeri.ovg@mail.ru,

¹Московский университет имени С.Ю. Витте, г. Москва, Россия,

²Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России), г. Москва, Россия

Анализируется институт процедуры медиации в Российской Федерации и зарубежных странах, выявляются его положительные и отрицательные аспекты, а также проблемы правового регулирования указанного института как в организационном, так и в процессуальном контексте. Несмотря на длительный и витиеватый путь развития данного автономного от государства механизма разрешения споров, его непопулярность связана, в первую очередь, именно с более привлекательными условиями для тяжущихся по обращению в классические институты защиты нарушенных прав. В то же время государство заинтересовано в развитии негосударственных форм разрешения конфликтов, в частности в медиации, в том числе в силу их низкой стоимости в реализации для государства, по сравнению с судебной системой, но при этом приведенный критерий не должен влиять на качество итогового «продукта», что также представляется определенной проблемой для успешного применения медиации в России. Формулируются соответствующие выводы и предлагаются меры, способствующие дальнейшему усовершенствованию института медиации.

Ключевые слова: процедура медиации, альтернативное урегулирование споров, медиатор, судебное разбирательство, медиативная деятельность

THE INSTITUTION OF MEDIATION AS A STABILIZER OF PUBLIC RELATIONS

Slabospitsky A.S.^{1,2},
e-mail: slabospitskyas@gmail.com,

Olagyan V.G.²,
e-mail: valeri.ovg@mail.ru,

¹Moscow Witte University, Moscow, Russia,

²All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow, Russia

The article analyzes the institution of the mediation procedure in the Russian Federation, as well as in foreign countries, identifies its positive and negative aspects, as well as the problems of legal regulation of the named institution, both in the organizational and procedural context. Despite the long and ornate path of development of this dispute resolution mechanism autonomous from the state, its unpopularity is primarily due to more attractive conditions for litigants to apply to classical institutions for the protection of violated rights. At the same time the state is interested in the development of non-state forms of conflict resolution, in particular in mediation, including due to their low implementation cost for the state, compared to the judicial system, but this criterion should not affect the quality of the final “product”, which also seems to be a certain problem for the successful use of mediation in Russia. In the course of the study relevant conclusions are substituted and further improvement of the institution of mediation is proposed.

Keywords: mediation procedure, alternative dispute resolution, mediator, trial, mediation activity

DOI 10.21777/2587-9472-2023-2-36-42

Вопросу защиты субъектами общественных отношений своих прав и свобод всеми способами, не запрещенными законом, уделяли много внимания правоведа, что нашло свое отражение в ст. 45 Конституции Российской Федерации¹. Наше государство выступает гарантом реализации этого права, имеющим в своем арсенале разного рода «инструменты» для осуществления возложенной на него функции. Одной из ветвей власти, представляющей собой именно такой «инструмент», который самостоятельно и независимо осуществляет функции по разрешению правовых споров сторон на основе их состязательности, является судебная власть. В то же время всем известно об имеющейся загруженности судебных органов относительно рассмотрения ими соответствующих дел. Имеются статистические данные, согласно которым из года в год количество судебных споров только увеличивается [1]. Соответственно, приобретают актуальность поиск и развитие «инструментов» альтернативного урегулирования споров, одним из которых и выступает институт медиации².

Использование компаративистского подхода в сравнении отечественной экономики с развитыми зарубежными показало, что институт медиации в Российской Федерации имеет небольшой опыт [2]. Потенциал данного института возможно раскрыть в дальнейшей его модернизации. Одна из причин слабой практики применения этого института видится в его институциональной новизне для нашего государства. Медиация была фактически легализована с принятием Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»³ (далее – ФЗ «О процедуре медиации»), тогда как в странах старой Европы наличие данного института уже устоялось и насчитывает десятилетия, а в государствах Северной Америки в первый раз медиативная практика была применена еще в 1947 г. [3; 4]. В этой связи существующие проблемы в применении медиации при решении споров, а также пробелы в отечественном законодательстве еще не прошли столь длительный путь проб и ошибок.

Ввиду институциональной новизны медиации для отечественных общественных отношений, при выборе способа урегулирования спора для обывателя на первый план может выходить фактор недоверия к малоосвоенному, не находящемуся «на слуху» механизму разрешения конфликта, в сравнении с судебным порядком разбирательства споров. Кроме того, последний оказывает свою помощь населению в достаточно умеренные сроки (если не брать в расчет перегруженные судебные звенья крупных конгломераций) и за умеренную цену (исключая в данном контексте расходы государства на такой механизм защиты нарушенных прав). Организации, осуществляющие медиативную деятельность, являются частными, следовательно, неблагонадежными, что также может вызывать недоверие у российского населения [5].

Таким образом, следует обратить внимание на следующие условия развития медиации, которые происходят достаточно медленно:

- 1) уровень информированности членов российского общества о наличии процедуры медиации в урегулировании правовых конфликтов;
- 2) развитие медиации как социального института, а также институциональных предпосылок организации практики медиации на уровне действующих правовых институтов, с чем на данном этапе также имеются проблемы.

Следовательно, процедура медиации представляет собой весьма актуальный инструмент, который при его грамотном применении способен стать драйвером по модернизации применяемых в настоящее время способов и технологий разрешения правовых споров. Для становления медиации в качестве основной движущей силы разрешения правовых споров необходима соответствующая нормативная правовая база, которая призвана детальным образом регламентировать практическое применение медиативной процедуры.

Американские юристы и медиаторы часто цитируют Авраама Линкольна, убеждая своих клиентов думать дальше своих непосредственных интересов. Суть его высказывания заключается в том, что не нужно поощрять судебные тяжбы, наоборот, необходимо прилагать все возможные усилия для убеж-

¹ Российская газета. – 1993. – № 237. – 25 декабря.

² *Примечание.* CPR – International Institute for Conflict Prevention & Resolution. См.: Руководство Международного института по предотвращению и разрешению конфликтов (CPR) по медиации и APC в Европе. – Нью-Йорк, 2015. – URL: <http://www.cpradr.org/resource-center/non-english-language-resources/russian/-CPR> (дата обращения: 14.03.2023). – Текст: электронный.

³ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 31. – Ст. 4162.

дения клиента идти на компромисс, когда это возможно. Так, «номинальный победитель часто действительно проигрывает – в гонорарах, расходах и пустой трате времени»⁴. Люди должны учитывать все риски, рассчитать все возможные затраты, связанные с судебными тяжбами, прежде чем обратиться в суд. В данном контексте нужно отметить, что отличие американского судопроизводства от российского проявляется в его продолжительности, дороговизне и необходимости профессионального представительства на всех этапах судебной защиты. В этой связи институт медиации в системе англо-саксонского права априори будет наиболее предпочтительным в сравнении с российской системой.

К медиативным процедурам, согласно российскому законодательству, обращаются с целью разрешения споров, которые возникают из таких правоотношений, как административные, трудовые и семейные, а также из правоотношений, появляющихся в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности⁵.

В результате проведенного анализа отметим следующие положительные аспекты урегулирования споров при помощи медиации:

- оптимизация работы государственных механизмов правовой защиты, которая влечет снижение количества судебных тяжб и, как итог, разгрузку правоохранительной системы Российской Федерации;
- одним из принципов медиативного разрешения спора является конфиденциальность, что в сравнении с открытым судебным разбирательством представляется более предпочтительным для сторон, желающих решить вопрос тихо и без огласки (в особенности для юридических лиц, желающих сохранить авторитет своих компаний);
- сокращение сроков рассмотрения споров, что так же, как и для судебной системы, прямо закреплено в законе, но сделано с более императивным уклоном;
- социальный аспект, который проявляется в добровольном урегулировании правоотношений путем медиации, что способствует практике разрешения споров путем коммуникации непосредственно конфликтующих сторон. Данная коммуникация образовывается в процессе поиска путей решения спора, которое должно удовлетворить и, соответственно, примирить спорящих, в результате чего они придут к общему консенсусу (некий компромисс);
- обжалование судебных решений потеряет свою актуальность, поскольку стороны сами приходят к принятию окончательного решения – заключают медиативное соглашение (непринятие медиативного соглашения не исключает возможности дальнейшего рассмотрения спора в судебном порядке);
- искоренение непредсказуемости разрешения спорных вопросов, как это может быть в случае рассмотрения тяжбы в судебном порядке.

К отрицательным аспектам института медиации в Российской Федерации можно отнести следующие:

- 1) не все споры, возникающие по вопросам права, могут рассматриваться с привлечением к ним медиатора (например, исходя из ФЗ «О процедуре медиации», земельные и жилищные споры не могут быть урегулированы данным способом, а также есть споры, которую составляют особую сложность их разрешения);
- 2) отечественным законодателем закреплено, что медиатор несет ответственность в соответствии с гражданским законодательством. В ФЗ «О процедуре медиации» указано, что информация, относящаяся к проведению процедуры медиации, должна оставаться конфиденциальной. Данный запрет в англо-саксонской правовой системе отнесен на усмотрение не сторон, а лица, разрешающего конфликт [6]. Несмотря на наличие указанного запрета, для отечественного медиатора остается открытым вопрос об ответственности за разглашение информации в ходе выполнения своих профессиональных обязанностей. Одним из решений представляется введение соответствующей нормы в административном законодательстве в виде штрафа, а в случае повторного нарушения предполагается запрет на осуществление соответствующей деятельности. Вместе с тем возникает вопрос пределов неразглашения данной информации и ее актуальности спустя длительный период времени;

⁴ Persuade your neighbors to compromise // New York Times. – 1991. – Section A. – P. 28.

⁵ Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федеральный закон: [от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ (ред. от 26 июля 2019 г.)] // Российская газета. – 2010. – 30 июля.

3) еще одним препятствием на пути развития медиации в России является вопрос о том, кто за нее платит и сколько. Заградительным барьером для данного механизма является то, что его бессмысленно применять конфликтующим сторонам с незначительной ценой требований. Кроме того, на данном «рынке» наблюдается достаточно высокая конкуренция. Так, недоступность обращения к применению процедуры медиации в целях разрешения соответствующего правового спора для подавляющего большинства потенциальных заинтересованных лиц вытекает из неочевидности цены такой услуги по сравнению с затратами на судебную тяжбу.

Если обращаться к медиаторам до судебного разбирательства, стоимость может не выглядеть так устрашающе, как в случае обращения к медиации в процессе судебного разбирательства. Так, после уплаты государственной пошлины процедура может оказаться очень затратной. В этом случае стимулированием решения спора во внесудебном порядке будет введение в законодательство возможности возврата процента от суммы государственной пошлины за подачу искового заявления в зависимости от стадии, на которой стороны изъявили желание урегулировать спор с помощью медиации или покрытия затрат на проведение медиации в размере 30–50 % из суммы, уплаченной стороной при подаче иска, как это уже применяется в случае заключения мирового соглашения.

Применительно к гражданским разбирательствам вопрос эффективности использования процедуры медиации на данный момент стоит достаточно остро. О.Н. Лебедева отмечает, что приведенный вопрос до конца не исследован – отсутствуют фундаментальные труды, позволяющие установить взаимосвязь между действиями медиаторов и судебных органов, а также нет процессуальной концепции, исключающей вероятность совершения медиатором ошибки, повлекшей нарушение прав той или иной стороны, ввиду того что деятельность медиатора может осуществляться как на профессиональной, так и на непрофессиональной основе [7]. В связи с этим на практике возникают проблемы, истоки которых характеризуются слабой законодательной базой.

Остановившись на положениях закона, закрепляющих требования, предъявляемые к медиатору, можно сделать вывод о том, что совершеннолетие, дееспособность и отсутствие судимости не являются достаточными критериями для выбора специалиста в медиативной деятельности, тем более осуществляемой в процессуальном порядке. Компетенция лиц, способствующих примирению сторон, также может вызывать недоверие у граждан, которые предпочтут передать разрешение спора в руки лиц-профессионалов, имеющих необходимые знания, а не лицу, которое еще вчера сидело за ученической скамьей. Представляется, что в качестве ценза, необходимого для отбора кандидата в медиаторы, нужно установить наличие высшего юридического образования для физического лица, осуществляющего медиативную деятельность. Соответственно, требуется закрепление императивного положения о том, что процедура медиации может проводиться медиаторами, осуществляющими свою деятельность на профессиональной основе.

Существует проблема установления полномочий суда, заключающаяся в следующем: в соответствии со ст. 153.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) судья должен принимать меры для примирения сторон, содействуя целям гражданского судопроизводства, учитывая при этом интересы сторон⁶. Исходя из этого, можно увидеть противоречие между тем, что уже содержит действующее гражданско-процессуальное законодательство, и тем, что было сформировано в приведенном положении. Суд может только способствовать мирному урегулированию спора путем рассмотрения и разрешения гражданского дела по существу (ст. 2 ГПК РФ). Возникает следующий вопрос: как законодатель может обязать судью объективно оценить интересы сторон, если целью процедуры медиации, в отличие от судебного разбирательства, является найти взаимоприемлемое решение, а не разрешить спор?

Е.Д. Демешко указывает, что примирительные процедуры, в том числе медиация, должны стать обязательной составляющей при разрешении некоторых видов споров. Инициирование должно происходить путем направления соответствующего заявления в таком же порядке, как и обращение в суд, что может сделать эту процедуру более или менее обязательной [8]. На суд при этом возлагается обя-

⁶ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: [от 14 ноября 2002 г. №138-ФЗ (ред. от 29 декабря 2022 г.)] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 46. – 18 ноября. – Ст. 4532.

занность рассмотреть вопрос независимо от того, в какой мере другая сторона заинтересована в этом. Именно в данном случае суд, учитывая мнение иницилирующей стороны, должен предложить указанный порядок другой стороне, в связи с чем и возникает обязанность суда принять меры по примирению сторон. Если противная сторона не имеет возражений, суд принимает решение о направлении указанных сторон в медиативный орган. По ее мнению, любые стороны, где возникновение правоотношений между ними обусловлено личным волеизъявлением, обязаны проходить процедуру медиации, вне зависимости от предмета спора, поскольку только в данном случае возможно реализовать разгрузку судов, целью которой руководствовался законодатель [8]. На наш взгляд, позиция является интересной в том случае, если рассматривать процедуру медиации в аспекте добросовестности последних, а не как повод закрепить с помощью указанной процедуры совершение преступления, когда вместо разрешения спора на деле имеется фиктивная задолженность аффилированных лиц.

Если рассматривать опыт Турции, 1 января 2018 г. вступил в силу Закон о трудовых судах, в соответствии с которым было введено обязательное применение медиации до подачи в суд искового заявления по трудовым спорам. Если стороны не соблюдают это положение, иск не будет принят судом. Предметом же обязательной медиации являются споры, связанные с дебиторской задолженностью по оплате труда и требованиями выплаты компенсации, индивидуальные или коллективные трудовые договоры или требования о восстановлении в должности. Однако медиация не может использоваться в спорах о выплате компенсаций за причинение вреда в результате несчастных случаев на работе или профессиональных заболеваний [9]. Данный опыт демонстрирует один из эффективных путей решения проблемы разгрузки судов, который можно было бы использовать и в России.

В Северном округе Калифорнии в США была разработана, а в настоящее время применяется и в других штатах процедура специального характера – предварительная независимая оценка. Это форма досудебного урегулирования, целью которой является оказание помощи в определении сильных и слабых сторон дела посредством объективного анализа конфликтной ситуации участникам спора и их представителям, что способствует структурированию процесса судебного разбирательства, устраняет доказательства, которые не относятся к спору, и обозначает несколько путей принятия конечного решения, а также может способствовать урегулированию спора. В сравнении с медиаторами лицо, проводящее предварительную независимую оценку, просто дает оценку ситуации в целом и лишь выдвигает некоторые предложения по урегулированию спора, но не пытается помочь сторонам принять совместное решение. Такая оценка представляется наиболее эффективной при рассмотрении деликтных, коммерческих споров, а также споров, вытекающих из договорных отношений, особенно в случаях, когда одна из сторон признает свою вину и спор касается лишь размера ущерба [10–12]. Взаимодействие сторон при предварительной независимой оценке конфиденциально. Нам представляется это интересной новацией, которую также можно было бы ввести в отечественное законодательство.

Институт медиации в качестве стабилизатора современных общественных отношений способен значительно повлиять на правовое и социальное пространство России. Процедура посредничества в нашем правовом поле в должной мере не обладает той процессуальной силой, которая бы позволяла ей стать более предпочтительной в урегулировании споров в сравнении с судебным разбирательством, а также не обросла практикой, позволяющей выявить все недочеты в вопросах ее законодательного установления. Кроме того, для более результативного применения данного института нужно решить уже имеющиеся накопившиеся проблемы.

Таким образом, были затронуты проблемы, не позволяющие выполнить те задачи, которые были возложены на институт медиации законодателем изначально в полном размере. Часть из этих проблем, прежде всего процедурного характера, вытекает из несовершенства законодательства. Другая же их часть носит, скорее, организационно-применительный характер и замыкается на недостаточном доверии субъектов общественных отношений к указанному институту, который способен оказать эффективную помощь гражданам и организациям в защите собственных прав и законных интересов. Кроме того, возможны вопросы к такому выходу из конфликтной ситуации и у правоохранительных органов, по сравнению с судебными разбирательствами и принимаемыми ими актами в нашей стране.

Резюмируя сказанное, представляется интересным предложение развивать институт медиации для нашего общества. Последнее заинтересовано в развитии негосударственных форм разрешения кон-

фликтов, в частности в медиации, в том числе в силу их низкой стоимости по сравнению с затратами на так называемый один судебный день, т.е. с затратами государства на один день работы среднестатистического судьи.

Список литературы

1. *Слабоспицкий А.С.* Информационные технологии в правосудии по экономическим спорам в Российской Федерации и Республике Казахстан // Вестник Российской правовой академии. – 2019. – № 3. – С. 82–88.
2. *Слабоспицкий А.С.* Рассмотрение цивилистических споров в период пандемии: опыт Англии и Уэльса // Российское правосудие. – 2021. – № 6. – С. 83–87.
3. *Ковальчук Ю.А., Цыганков А.Ю.* Проблемы приказного производства в арбитражном процессе // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2023. – № 2. – С. 124–128.
4. *Кукина А.А., Слабоспицкий А.С.* Гражданская медиация: итальянский опыт // Устойчивое развитие: геополитическая трансформация и национальные приоритеты: материалы XIX Междунар. конгресса с элементами науч. школы для молодых ученых: в 2 т. / отв. ред. А.В. Семенов, П.Н. Кравченко. – Москва: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2023. – Т. 1. – С. 1194–1199.
5. *Чёрный П.А., Колонтаевская И.Ф.* Актуальные проблемы применения информационных технологий в судебной системе Российской Федерации // Современное право в условиях реформирования общества и государства: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / под ред. А.В. Семенова, С.Н. Бабурина, Т.В. Слюсаренко, О.А. Егеревой. – Москва, 2022. – С. 281–286.
6. *Ogunbowale D., Ogunbowale F.* Reflections and prospects: musings on the innovations in the arbitration and mediation bill (AMB). – 2022. – URL: <http://www.ssrn.com/abstract=4228945> (дата обращения: 04.04.2023). – Текст: электронный.
7. *Лебедева О.Н.* Роль суда при реализации примирительных процедур // Вестник научной мысли. – 2022. – № 4. – С. 371–376.
8. *Демешко Е.Д.* Реализация примирительных процедур в гражданском судопроизводстве // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 8. – С. 149–150.
9. *Ash Gurbuz Usluel.* Mandatory or voluntary mediation? Recent Turkish mediation legislation and a comparative analysis with the EU's mediation framework // Journal of Dispute Resolution. – 2020. – No. 2. – P. 8–12.
10. *Иванова Е.А.* Судебная медиация в США // Российский юридический журнал. – 2019. – № 4. – С. 29–34.
11. *Емкужева О.В., Слабоспицкий А.С.* Соотношение процедуры UDRP и третейского разбирательства // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. – 2022. – № 1. – С. 23–27.
12. *Слабоспицкий А.С.* Судебные системы и модели правосудия в современном мире // Вестник Российской правовой академии. – 2023. – № 1. – С. 95–105.

References

1. *Slabospickij A.S.* Informacionnye tekhnologii v pravosudii po ekonomicheskim sporam v Rossijskoj Federacii i Respublike Kazahstan // Vestnik Rossijskoj pravovoj akademii. – 2019. – № 3. – S. 82–88.
2. *Slabospickij A.S.* Rassmotrenie civilisticheskikh sporov v period pandemii: opyt Anglii i Uel'sa // Rossijskoe pravosudie. – 2021. – № 6. – S. 83–87.
3. *Koval'chuk Yu.A., Cygankov A.Yu.* Problemy prikaznogo proizvodstva v arbitrazhnom processe // Skif. Voprosy studencheskoj nauki. – 2023. – № 2. – S. 124–128.
4. *Kukina A.A., Slabospickij A.S.* Grazhdanskaya mediaciya: ital'yanskij opyt // Ustojchivoe razvitie: geopoliticheskaya transformaciya i nacional'nye prioritety: materialy XIX Mezhdunar. kongressa s elementami nauch. shkoly dlya molodyh uchenyh: v 2 t. / отв. red. A.V. Semenov, P.N. Kravchenko. – Moskva: Moskovskij universitet im. S.Yu. Vitte, 2023. – T. 1. – S. 1194–1199.
5. *Chyornyj P.A., Kolontaevskaya I.F.* Aktual'nye problemy primeneniya informacionnyh tekhnologij v sudebnoj sisteme Rossijskoj Federacii // Sovremennoe pravo v usloviyah reformirovaniya obshchestva i gosudarst-

- va: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem / pod red. A.V. Semenova, S.N. Baburina, T.V. Slyusarenko, O.A. Egerevoj. – Moskva, 2022. – S. 281–286.
6. *Ogunbowale D., Ogunbowale F.* Reflections and prospects: musings on the innovations in the arbitration and mediation bill (AMB). – 2022. – URL: <http://www.ssrn.com/abstract=4228945> (data obrashcheniya: 04.04.2023). – Tekst: elektronnyj.
7. *Lebedeva O.N.* Rol' suda pri realizacii primiritel'nyh procedur // Vestnik nauchnoj mysli. – 2022. – № 4. – S. 371–376.
8. *Demeshko E.D.* Realizaciya primiritel'nyh procedur v grazhdanskom sudoproizvodstve // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. – 2022. – № 8. – S. 149–150.
9. *Ash Gurbuz Usluel.* Mandatory or voluntary mediation? Recent Turkish mediation legislation and a comparative analysis with the EU's mediation framework // Journal of Dispute Resolution. – 2020. – No. 2. – P. 8–12.
10. *Ivanova E.A.* Sudebnaya mediaciya v SShA // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. – 2019. – № 4. – S. 29–34.
11. *Emkuzheva O.V., Slabospickij A.S.* Sootnoshenie procedury UDRP i tretejskogo razbiratel'stva // Vestnik Moskovskogo universiteta imeni S.Yu. Vitte. Seriya 2. Yuridicheskie nauki. – 2022. – № 1. – S. 23–27.
12. *Slabospickij A.S.* Sudebnye sistemy i modeli pravosudiya v sovremennom mire // Vestnik Rossijskoj pravovoj akademii. – 2023. – № 1. – S. 95–105.

УДК 343.13

ЗАПРЕТ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ КАК МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ

Мальцева Светлана Николаевна¹,

канд. юрид. наук, доцент,

e-mail: kafedraUPD2015@yandex.ru,

¹Московский университет имени С.Ю. Витте, филиал в г. Рязани, г. Рязань, Россия

Рассматриваются сущность и правовая природа законодательной новеллы российского права – запрета определенных действий. Исследуются смежные категории и иные меры пресечения, имплементируемые в уголовной практике. Осуществляется анализ проблемных аспектов применения рассматриваемой меры пресечения. Среди выявленных проблем отмечаются проблема контроля за исполнением условий запрета, целесообразность запрета на пользование информационно-телекоммуникационной сетью Интернет, дублирование норм, регламентирующих домашний арест и запрет на выход из места проживания, и пр. Приводится оценка соотношения указанной меры пресечения с конституционным принципом соразмерности ограничения прав и свобод человека и гражданина. Несмотря на выявленные недостатки, возникновение в отечественном уголовно-процессуальном законе такой меры пресечения, как запрет определенных действий, понимается автором как закономерный шаг на пути к гуманизации уголовно-процессуального законодательства и повышению эффективности судопроизводства.

Ключевые слова: мера пресечения, домашний арест, запрет определенных действий, уголовно-процессуальное законодательство

PROHIBITION OF CERTAIN ACTIONS AS A PREVENTIVE MEASURE

Maltseva S.N.¹,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,

e-mail: kafedraUPD2015@yandex.ru,

¹Moscow Witte University, the branch in Ryazan, Ryazan, Russia

The article is devoted to the consideration of the essence and legal nature of the legislative novelty of Russian law – the prohibition of certain actions. The author of the article refers to related categories and other preventive measures implemented in criminal practice. In addition the article contains an analysis of the problematic aspects of the application of the considered preventive measure. Among the problems identified are the problem of monitoring the fulfillment of the conditions of the ban, the expediency of a ban on the use of the Internet information and telecommunications network, duplication of the rules governing house arrest and a ban on leaving the place of residence, and so on. An assessment is given of the correlation of this preventive measure with the constitutional principle of proportionality of the restriction of the rights and freedom of a person and a citizen. Nevertheless, despite the shortcomings identified, the emergence in the domestic criminal procedure law of such a measure of restraint as “prohibition of certain actions” is considered by the author as a natural step towards the humanization of criminal procedure legislation and increasing the efficiency of legal proceedings.

Keywords: preventive measure, house arrest, prohibition of certain actions, criminal procedural law

DOI 10.21777/2587-9472-2023-2-43-48

Уголовно-процессуальный сегмент национального законодательного массива большинства стран находится под влиянием тенденций гуманизации и эффективизации. В связи с этим законодатель предпринимает попытки дифференцировать спектр применяемых правовых средств посредством внесения альтернативных мер пресечения. Целью подобных устремлений выступает нахождение баланса между защитой прав и законных интересов потерпевших и защитой лиц, в отношении которых

осуществляется уголовное преследование, от незаконного и необоснованного ограничения прав и свобод [1, с. 179]. При этом изменение перечня мер пресечения должно происходить по трем векторам:

- 1) расширение спектра мер пресечения;
- 2) исключение мер, утративших актуальность из-за изменения характера общественных отношений;
- 3) пересмотр существующих мер с целью недопущения дублирования законодательных конструкций.

Важным шагом к модернизации отечественного уголовно-процессуального массива стало принятие Федерального закона от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ, посредством которого был скорректирован Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) в отношении залога и домашнего ареста. Положения отмеченного закона, помимо прочего, ввели в законодательный массив новую меру пресечения – запрет на определенные действия (ст. 105.1 УПК РФ). Данные новации привели к активизации научно-теоретических и прикладных дискуссий. Нельзя сказать, что в отношении новой меры пресечения сформировалось однозначное мнение, тем не менее, большинство исследователей сходятся во мнении о том, что данная мера выступила отражением стремления законодателей гуманизировать и индивидуализировать нормы российского уголовно-процессуального законодательства [2, с. 43]. Вместе с этим в новейших публикациях нередко можно встретить мнение о том, что избрание и применение мер пресечения в форме запрета на совершение определенных действий потенциально представляют собой проблемный аспект уголовно-процессуального правоприменения, т.к. имплементация указанных мер непременно затрагивает права и свободы граждан, в том числе конституционные [3, с. 191]. Применение мер пресечения должно иметь место только в тех случаях, когда оно оправдано с точки зрения предупреждения совершения противоправных действий.

Среди всех накопленных в юриспруденции дефиниций мер пресечения внимания заслуживает, помимо прочих, определение, представленное З.А. Пирмагомедовой, согласно которой меры пресечения – «уголовно-процессуальные инструменты принудительного влияния, используемые исключительно на основаниях и в порядке, которые закреплены в УПК РФ, специально уполномоченными органами и должностными лицами относительно обвиняемого (в исключительных случаях – подозреваемого)», а целями применения подобных мер выступают: устранение возможности сокрытия обвиняемого от представителей правоохранительных органов; недопущение продолжения осуществления преступных действий; устранение препятствий для производства по уголовному делу; гарантия исполнения приговора суда [Там же]. Г.Б. Петрова и М.А. Лавнов дополняют данный список: меры пресечения применяются с целью нейтрализации риска угроз участникам процесса, поступающих от обвиняемого, кроме того, посредством принятия подобных мер можно обеспечить сохранность улик и доказательств [1, с. 178].

Внедрение в правовой массив такой меры пресечения, как запрет на совершение определенных действий, обусловлено рядом причин и факторов, которые условно можно объединить в рамки концепции гуманизации права. Одной из причин является убежденность в том, что заключение под стражу в современных условиях является крайней мерой, которую при возможности следует исключать [4, с. 173].

Запрет на выполнение определенных действий как мера пресечения существенно отличается от иных мер пресечения. К примеру, в ситуации запрета на управление транспортным средством у подозреваемого или обвиняемого изымается водительское удостоверение, которое впоследствии приобщается к уголовному делу. Согласно положениям описанного закона полный перечень мер пресечения, связанных с запретом определенных действий, выглядит следующим образом:

- 1) выходить за пределы жилого помещения, в котором проживает объект наложения запрета, в определенные временные интервалы;
- 2) находиться в определенных местах либо приближаться к ним на дистанцию, установленную судом;
- 3) посещать определенные мероприятия и принимать участие в них;
- 4) поддерживать коммуникацию с определенными лицами;
- 5) высылать и получать почтово-телеграфные отправления;
- 6) использовать средства связи и интернет;
- 7) управлять транспортным средством – в ситуациях, если преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ).

Положительной чертой новой меры, согласно Л.И. Лесной, выступает «шаг в сторону укрепления позиций на рынке представителей малого и среднего бизнеса» [5, с. 147]. Речь идет о том, что подозреваемый или обвиняемый, подвергнутый домашнему аресту, ранее лишился возможности продолжать или инициировать хозяйственную деятельность, за исключением случаев назначения доверенного лица для представления бизнес-интересов обвиняемого или подозреваемого (ст. 46 и 47 УПК РФ). Новая мера пресечения сохраняет возможность ведения бизнеса.

В целом, правовая природа и сущность новой процессуальной концепции «запрет определенных действий» вполне ясны и прозрачны в теории, однако в реальной практике обращение к подобной разновидности мер пресечения вызывает множество вопросов. Следует рассмотреть подобные проблемные аспекты и понять, каким образом они могут негативно сказываться на качестве правосудия. Наиболее очевидной проблемой, лежащей на поверхности современного правосудия, является, по мнению З.А. Пирмагомедовой, то, что запрет на выход из помещения проживания лишает объекта запрета возможности посещать аптеки, магазины, учреждения здравоохранения [3, с. 192–193]. При этом подобный запрет оказывается явно несправедливым в отношении одиноких лиц, инвалидов и других категорий граждан, для которых изоляция априори невозможна.

Кроме того, запрет на выход из локации проживания или пребывания дублирует нормы, регламентирующие специфику реализации домашнего ареста (ч. 7 ст. 107), при этом данные нормы в них изложены по-разному, а запрет на совершение определенных действий, который должен быть более мягкой мерой, фактически отождествляется с домашним арестом. Дублирование правовых конструкций наблюдается и в части применения средств связи и интернета. Законодатель, как указывают Г.Б. Петрова и М.А. Лавнов, «перемешал содержание двух мер пресечения, создавая правоприменителю трудности в их разграничении» [1, с. 181].

Весьма важным барьером на пути к повсеместному использованию меры «запрет на совершение действий» в качестве альтернативы домашнему аресту выступает невозможность контроля исполнения условий запрета, а также диффузия полномочий в кругу лиц, которые данный контроль должны осуществлять. К примеру, достаточно сложно проконтролировать исполнение запрета на вождение транспортного средства, а законодатель, к сожалению, оставил данный аспект без регулирования. Вполне логичным представляется предположение о том, что ответственность за контроль исполнения условий такого запрета следует возложить на органы исполнительной власти, несущие правоприменительные функции совместно с органами по обеспечению безопасности дорожного движения [Там же, с. 182]. Кроме того, выдача подобного запрета, как правило, сопровождается детальным описанием условий исполнения данной меры пресечения (адрес пребывания, периоды времени, населенный пункт и район, с которыми связаны запреты), однако изложение данных условий никак не влияет на «качество» исполнения запрета, т.е. даже при указании номерных данных транспортного средства объект запрета может воспользоваться иным автомобилем, выехать за пределы дворовой территории в ночное время и т.п.

Проблема контроля за исполнением условий запрета актуальна и для запретов в отношении почтовой, телеграфной связи, интернет-коммуникации, особенно в ситуациях, когда подозреваемый или обвиняемый не связан запретом на выход из локации проживания. Вполне справедливый вопрос задает А.Р. Белкин: «Как можно проконтролировать соблюдение такого запрета лицом, свободно гуляющим по городу?» [2, с. 47]. Даже при произведении следственного действия – ареста на почтово-телеграфную корреспонденцию – исходящую коммуникацию другого типа задержать практически невозможно.

Запрет использования телекоммуникаций и сети Интернет (далее – Сеть) – один из наиболее дискуссионных вопросов законодательной теории и практики, особенно в отношении контроля за исполнением подобного запрета. На сегодняшний день контроль за соблюдением запрета на использование электронных коммуникационных технологий реализуется посредством проверки информации, предоставляемой операторами сотовой связи и телекоммуникационными компаниями в отношении входящих и исходящих звонков, сессий подключения к Сети, использованного объема интернет-трафика, IP-адреса и прочих составляющих «цифрового следа» обвиняемого или подозреваемого. Тем не менее, ни один из перечисленных путей контроля исполнения запрета на применение коммуникационного инструментария не позволяет достоверно доказать или исключить случаи использования средств связи лицом, в отношении которого был наложен запрет. Обойти подобный запрет не составляет никакого

труда – за счет VPN-программ, пользования устройствами третьих лиц, сокрытия дополнительного телефона или SIM-карты. Ю.В. Михайлина приходит к аналогичному тезису: доступность средств связи, возможность переадресации вызова и прочие опции позволяют вполне эффективно обойти соответствующий запрет. Более того, лица, которые по решению судьи не могут использовать средства связи, в абсолютном большинстве случаев проживают с родственниками, супругами или сожителями, которые могут систематически содействовать обходу запрета [6, с. 207].

Следовательно, в законодательном массиве существует пробел, который в принципе обесценивает саму сущность запрета на применение телекоммуникаций. Требуется либо исключить данное положение из текстов уголовно-процессуального законодательства, либо обеспечить его исполнительными гарантиями и прописать методологию контроля.

Еще одним проблемным вопросом можно считать регламентацию запрета на общение с определенными людьми. Контроль за исполнением условий данного запрета представляется крайне затруднительной задачей, т.к. ни одна из мер, за исключением круглосуточного наблюдения, не может гарантировать его исполнение. В сущности, исполнить букву закона можно только при наличии сопутствующего запрета на выход из помещения проживания. Тем не менее, совокупность данных запретов можно приравнять к иной мере пресечения – домашнему аресту. В данной связи возникает вопрос о целесообразности введения категории «запрет на общение с определенными людьми».

Несмотря на сказанное, следует признать, что запрет на общение с определенным кругом лиц, как показывает зарубежный опыт, является действенной мерой, исключать которую из кодифицированных норм пока преждевременно. Возможно, практика применения запрета подобного рода может быть усовершенствована в будущем за счет визуальных и интеллектуальных инструментов идентификации лиц и личностей. В.А. Тимошкина указывает, что передовые технологии интеллектуального видеонаблюдения, набирающие популярность, «могут стать эффективным подспорьем для улучшения качества контроля за избираемыми запретами» [7, с. 133].

Вернемся к вопросу о запрете на использование Сети, но рассмотрим его не с позиции контроля, а с точки зрения его конституционности и справедливости. А.А. Бакрадзе, Д.О. Белов и А.Н. Калинин пишут о том, что в контексте современной волны цифровизации виртуальные технологии создают собственные законы, социум, экономику и государство – «метавселенные» [8, с. 25]. Человек, в отношении которого распространяется запрет на использование Сети, оказывается изолированным от «метавселенной» – социальных связей, бизнеса, рабочего окружения, возможности консультационного и иного обслуживания. Современный человек обладает объективной цифровой зависимостью, а большинство его социальных и экономических потребностей реализуется именно в Сети. Вынужденное извлечение человека из сетевого пространства означает не только обрыв определенного канала связи (как это следует из логики законодателя), но и приостановку многих или даже большинства необходимых человеку процессов жизнедеятельности. Более того, само государство вносит свой вклад в развитие цифровой зависимости своих граждан, передавая значительную часть социальных и экономических потребностей в сетевое пространство (портал «Госуслуги», онлайн-записи к врачам, виртуальные почтовые сервисы и прочие компоненты «электронного государства»).

О.В. Овчинникова приходит к аналогичному выводу. По ее мнению, большая часть населения использует Сеть в реализации жизненно важных потребностей, следовательно, возложение на подозреваемого или обвиняемого запрета на ее применение является неконституционным. Способом решения данного противоречия выступает дополнение положений закона определенными изъятиями или допущениями [9, с. 74]. Право на доступ в Сеть можно считать (и считается таковым в правовой парадигме стран Запада) неотъемлемым элементом социализации и универсальным правом личности. Российская судебная практика игнорирует данный факт и не признает конституционного характера данного права. Более того, в отечественной судебной практике уже имеются прецеденты отказа в удовлетворении требования о доступе в Сеть, к примеру обвиняемый был трудоустроен удаленно, а доступ к интернету был необходим ему для оказания материальной поддержки членам его семьи [Там же, с. 73–74].

Говоря об изъятиях или допущениях, требуемых в отношении регламентации права на доступ к Сети, следует сказать о том, что рациональным выходом из сложившейся ситуации будет наложение запрета только на те формы виртуальной активности, которые могут повлечь наступление последствий

определенного рода, например когда интернет используется для угроз свидетелям, сокрытия улик, продолжения преступной деятельности и т.п. Обвиняемым или подозреваемым в любом случае потребуется доступ к portalу государственных услуг, онлайн-банкингу, кабинету налогоплательщика и иным социальным сервисам. Тотальное ограничение виртуальной активности представляется избыточной мерой, которая, при этом, не влияет на качество правосудия и обеспечение его интересов.

Возможно, определение суда по наложению запрета на использование Сети должно содержать перечисление конкретных действий, выполнение которых запрещается обвиняемому или подсудимому. Сложность ситуации заключается в том, что, получив доступ к интернету, пусть и в ограниченных масштабах, объект запрета может воспользоваться этим с целью продолжения ведения криминальной деятельности в «цифровой» среде. По мнению О.В. Овчинниковой, количество преступлений, совершенных в виртуальном пространстве, увеличивается на 50–60 % ежегодно. В приведенных ситуациях, т.е. когда объект запрета имеет опыт ведения подобной незаконной деятельности, правоприменитель может и должен ограничивать как физическую, так и «цифровую» свободу обвиняемого или подозреваемого [9, с. 71].

Безусловно, спектр проблемных аспектов, связанных с регламентацией новой для российского правового поля категории «запрет определенных действий», не исчерпывается приведенными. Исследователи поднимают и многие другие, интересные с точки зрения юридической теории и практики вопросы и кейсы применения исследуемой меры пресечения. А.В. Ендольцева, к примеру, рассматривает вопросы пересечения исследуемой нами предметной области с категорией «домашний арест». По ее мнению, следует более глубоко проработать такой вид запретов, как запрет «выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения» (п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ). К примеру, если суд определит, что несовершеннолетний обвиняемый или подозреваемый не может покидать жилое помещение в ночное время, это автоматически переводит данный запрет в административно-правовую плоскость (вместо уголовно-процессуальной) [10, с. 66]. Т.Б. Рамазанов и А.Р. Керимова говорят о возможности расширения нормы запретами «употреблять алкоголь, наркотические и другие одурманивающие вещества, играть в азартные игры, совершать иные провоцирующие девиантное поведение действия» [11, с. 172].

Таким образом, возникновение в отечественном уголовно-процессуальном законе такой меры пресечения, как запрет определенных действий, представляется нам закономерным шагом на пути к гуманизации уголовно-процессуального законодательства и повышению эффективности судопроизводства. Тщательный анализ регламентации указанной меры пресечения приводит к выводу о необходимости реформирования системы мер пресечения, особенно в отношении их практической реализации. Представляется, что дальнейшие исследования обозначенных проблем должны быть ориентированы на конкретизацию целей мер пресечения, установление конкретных ограничений, соответствующих заявленным целям, выработку действенного механизма контроля за исполнением возложенных ограничений.

Список литературы

1. Петрова Г.Б., Лавнов М.А. Запрет определенных действий: правовая природа и особенности применения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2018. – № 6. – С. 176–184.
2. Белкин А.Р. Запрет определенных действий – хорошо ли он определен? // Судебная власть и уголовный процесс. – 2019. – № 2. – С. 43–50.
3. Пирмагомедова З.А. О некоторых законодательных новеллах в части регламентации отдельных мер пресечения // Закон и право. – 2021. – № 11. – С. 191–193.
4. Алексеев И.М., Соболев А.В. Актуальные проблемы применения меры пресечения в виде запрета определенных действий // Вестник Воронежского института МВД России. – 2022. – № 2. – С. 173–176.
5. Лесная Л.И. О новой мере пресечения в виде запрета определенных действий // Молодой ученый. – 2018. – № 49. – С. 147–150.
6. Михайлина Ю.В. О некоторых проблемах исполнения меры пресечения в виде запрета определенных действий // Государственная служба и кадры. – 2020. – № 4. – С. 206–209.
7. Тимошкина В.А. К вопросу о некоторых проблемах, возникающих при избрании запрета определенных действий в качестве меры пресечения // Вестник Российского университета кооперации. – 2022. – № 4. – С. 130–134.

8. *Бакрадзе А.А., Белов Д.О., Калинин А.Н.* О конституционности запрета на использование сети Интернет подозреваемым или обвиняемым // *Юридические исследования.* – 2022. – № 3. – С. 19–32.
9. *Овчинникова О.В.* Совершенствование системы мер пресечения в условиях цифровизации // *Правопорядок: история, теория, практика.* – 2022. – № 3. – С. 70–75.
10. *Ендольцева А.В.* Запреты, налагаемые на подозреваемого или обвиняемого в качестве меры пресечения: дискуссионные вопросы // *Вестник экономической безопасности.* – 2019. – № 1. – С. 64–67.
11. *Рамазанов Т.Б., Керимова А.Р.* Некоторые теоретические и практические вопросы применения запрета определенных действий в уголовном процессе // *Юридический вестник Дагестанского государственного университета.* – 2022. – № 2. – С. 172–173.

References

1. *Petrova G.B., Lavnov M.A.* Zapret opredelennyh dejstvij: pravovaya priroda i osobennosti primeneniya // *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj juridicheskoj akademii.* – 2018. – № 6. – С. 176–184.
2. *Belkin A.R.* Zapret opredelennyh dejstvij – horosho li on opredelen? // *Sudebnaya vlast' i ugolovnyj process.* – 2019. – № 2. – С. 43–50.
3. *Pirmagomedova Z.A.* O nekotoryh zakonodatel'nyh novellah v chasti reglamentacii ot del'nyh mer presecheniya // *Zakon i pravo.* – 2021. – № 11. – С. 191–193.
4. *Alekseev I.M., Sobol' A.V.* Aktual'nye problemy primeneniya mery presecheniya v vide zapreta opredelennyh dejstvij // *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii.* – 2022. – № 2. – С. 173–176.
5. *Lesnaya L.I.* O novej mere presecheniya v vide zapreta opredelennyh dejstvij // *Molodoj uchenyj.* – 2018. – № 49. – С. 147–150.
6. *Mihajlina Yu.V.* O nekotoryh problemah ispolneniya mery presecheniya v vide zapreta opredelennyh dejstvij // *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry.* – 2020. – № 4. – С. 206–209.
7. *Timoshkina V.A.* K voprosu o nekotoryh problemah, vznikayushchih pri izbranii zapreta opredelennyh dejstvij v kachestve mery presecheniya // *Vestnik Rossijskogo universiteta kooperacii.* – 2022. – № 4. – С. 130–134.
8. *Bakradze A.A., Belov D.O., Kalinin A.N.* O konstitucionnosti zapreta na ispol'zovanie seti Internet podozrevaemym ili obvinyaemym // *Yuridicheskie issledovaniya.* – 2022. – № 3. – С. 19–32.
9. *Ovchinnikova O.V.* Sovershenstvovanie sistemy mer presecheniya v usloviyah cifrovizacii // *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika.* – 2022. – № 3. – С. 70–75.
10. *Endol'ceva A.V.* Zaprety, nalagaemye na podozrevaemogo ili obvinyaemogo v kachestve mery presecheniya: diskussionnye voprosy // *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti.* – 2019. – № 1. – С. 64–67.
11. *Ramazanov T.B., Kerimova A.R.* Nekotorye teoreticheskie i prakticheskie voprosy primeneniya zapreta opredelennyh dejstvij v ugolovnom processe // *Yuridicheskij vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta.* – 2022. – № 2. – С. 172–173.

УДК 343.115

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ПРОИЗВОДСТВОМ В СУДЕ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ, И ИХ ПЕРСПЕКТИВНЫЕ РЕШЕНИЯ

Слабоспицкая Анастасия Сергеевна¹,
студент 2-го курса магистратуры,
e-mail: slabospitskayaanastasia@gmail.com,

Пестовская Юлия Александровна²,
студент 5-го курса,

¹Шаньдунский университет, г. Цзинань, Китай,

²Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), г. Москва, Россия

За последние 10 лет институт присяжных заседателей в России претерпел существенные изменения. По данным статистики, в 2022 г. судами общей юрисдикции с участием присяжных заседателей рассмотрено 1096 уголовных дел¹. Выделяются проблемы производства в суде с участием присяжных заседателей и рассматриваются возможные пути их решения путем внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство. Цель исследования состоит в освещении проблем теоретического, организационного, правового и правоприменительного характера, связанных с производством уголовного дела в суде с участием присяжных заседателей, а также в предложении перспективных путей решения этих проблем. Методологическую основу составили формально-юридический, сравнительно-правовой методы, а также иные общенаучные методы познания.

Ключевые слова: присяжные заседатели, подсудность, производство по уголовным делам в суде с участием присяжных заседателей

SOME PROBLEMS ASSOCIATED WITH JURY PROCEEDINGS AND THEIR PROSPECTIVE SOLUTIONS

Slabospitskaya A.S.¹,
2nd year master's student,

Pestovskaya Yu.A.²,
5th year student,

¹Shandong University, Jinan, China,

²All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow, Russia

Over the past 10 years, the institution of jurors in Russia has undergone significant changes. According to the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation, in 2022 courts of general jurisdiction with the participation of jurors considered 1096 criminal cases. The article highlights the problems of proceedings in court with the participation of jurors and also explores possible ways to solve these problems by amending the criminal procedure legislation. The purpose of the study is to highlight the problems of a theoretical, organizational, legal and law enforcement nature related to the production of a criminal case in court with the participation of jurors, to suggest promising ways to solve these problems. The methodological basis of the study was the formal legal method, comparative legal method, as well as general scientific methods of cognition.

Keywords: jurors, jurisdiction, criminal proceedings in court with the participation of jurors

DOI 10.21777/2587-9472-2023-2-49-53

¹ На совещании судей Путин и Лебедев обсудили актуальные вопросы правосудия (15 февраля 2023 г.). – URL: http://www.vsrfl.ru/press_center/mass_media/32144/?ysclid=lkibjfn6f372995769 (дата обращения: 02.03.2023). – Текст: электронный.

Рассмотрение уголовных дел судом с участием присяжных заседателей играет важную роль в уголовном судопроизводстве, однако очевидно, что в настоящее время суд присяжных нуждается в дальнейшем реформировании. В соответствии с проведенным в 2016 г. реформированием института присяжных законодатель отошел от общепринятого количества присяжных заседателей, составлявшего 12, уменьшив его до 8 – в областных и равных ему судах, до 6 – в районных и гарнизонных военных судах. Исследователи неоднозначно подошли к такому изменению в численности состава коллегии присяжных. Так, некоторые теоретики уголовно-процессуального права полагают, что снижение количества присяжных в составе коллегии «упростит процедуру их отбора, снизит расходы на вызов и материальное обеспечение присяжных, участвующих в судопроизводстве, а также ускорит процедуру их отбора» [1]. Однако не все так однозначно, как кажется на первый взгляд, потому что при уменьшении количества присяжных в разы возрастает вероятность того, что нечистые на руку заинтересованные лица смогут с меньшими усилиями воздействовать на коллегию присяжных. Оказать влияние на 6 или 8 присяжных будет намного проще, чем на 12, ввиду того что в процентном соотношении голос каждого из данных лиц стал более весомым. При этом не стоит забывать о том, что для оправдательного приговора необходимо, чтобы всего лишь половина заседателей признали невиновным подсудимого. Соответственно, «в районных судах и военных гарнизонных судах судьбу обвиняемого будут решать всего 3 присяжных» [2].

Еще одной актуальной проблемой на сегодняшний день является формирование списка кандидатов в присяжные заседатели. Так, согласно ст. 4 Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации»¹ каждые четыре года исполнительно-распорядительный орган муниципального образования составляет, соответственно, общие и запасные списки кандидатов в присяжные заседатели муниципального образования, а на основании уже этих списков высший исполнительный орган государственной власти субъекта РФ формирует списки кандидатов в присяжные заседатели субъекта (округов) РФ. При этом ст. 5 указанного федерального закона предусматривает, что председатели областных и равных им судов вносят свои представления о необходимом для работы соответствующих судов числе кандидатов в присяжные заседатели в высший исполнительный орган государственной власти соответствующего субъекта РФ. Получается, что каждый суд субъекта из-за неурегулированности этого вопроса на законодательном уровне самостоятельно определяет необходимое ему количество присяжных заседателей [3]. Исходя из ст. 4 того же закона, не понятно, почему в век цифровизации до сих пор не разработан аналог «барабана» (автоматического распределения судебных дел), выполняющего функцию по составлению списков кандидатов в присяжные. Следовательно, такое отношение к составлению списков порождает вопросы в части объективности сформированных списков, а также провоцирует на возможные злоупотребления при формировании этих списков. При этом приведенное злоупотребление может быть выражено, в первую очередь, не в желании повлиять на правосудие, а в желании личного обогащения на вполне законных основаниях в силу достаточно высокого уровня «зарплаты» данных субъектов.

Наконец, еще одной из рассматриваемых проблем является тенденция по сокращению подсудности уголовных дел суду присяжных. Если во временном промежутке проанализировать перечень составов преступлений, подсудных суду присяжных, то можно заметить, что количество таких составов с каждым внесенным изменением в закон уменьшается. В частности, в 2002 г. было 77 составов, в 2008 г. – 61, в 2012 г. – 79, в 2013 г. – 25, в 2014 г. – 30, в 2016 г. – 32. После внесенных изменений в 2022 г. окончательно суд с участием присяжных может провести судебное разбирательство по 35 составам из Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)². Несмотря на то, что уголовно-процессуальное законодательство в последние годы увеличивает количество составов, которые могут рассматриваться судом присяжных, нельзя отрицать тот факт, что относительно момента принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)³ перечень преступлений, рассматриваемых присяжными, уменьшился вдвое.

¹ О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации: Федеральный закон: [от 20 августа 2004 г. № 113-ФЗ (ред. от 16 февраля 2022 г.)] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 34. – Ст. 3528.

² Уголовный кодекс Российской Федерации: [от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29 декабря 2022 г., с изм. от 15 марта 2023 г.)] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: [от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 17 февраля 2023 г.)] // Российская газета. – 2001. – № 249.

Приведенное сокращение допуска присяжных, конечно же, повлекло существенное ограничение права обвиняемых, а несовершеннолетние и женщины фактически были лишены права на суд присяжных. Соответственно, начиная с 2013 г., решение этой проблемы остро стояло перед законодателем, вследствие чего вопрос о необходимости обеспечения обвиняемым права на рассмотрение их дела судом с участием присяжных заседателей обсуждался на многих официальных мероприятиях, например он был включен в Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ 3 декабря 2015 г.⁴ и в перечень поручений по реализации Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ⁵. Данный вопрос был решен внесением в 2016 г. изменений в УПК РФ. Итак, в соответствии с внесенными изменениями в уголовно-процессуальное законодательство с 1 июня 2018 г. районные суды, наряду с областными судами, теперь также получают возможность рассматривать дела с участием присяжных заседателей. Однако существенного увеличения числа составов преступлений, подсудных суду с участием присяжных заседателей, не произошло. Получается, что фактически в районных судах будут рассматриваться дела только по нескольким составам УК РФ. Таким образом, проблема сокращения подсудности в анализируемой сфере не была решена, оставаясь актуальной по сей день, поэтому законодателю предстоит в дальнейшем предпринимать меры «по увеличению и уточнению перечня составов преступлений, подсудных суду присяжных как в краевых (областных), так и в районных судах» [4].

Рассмотренные проблемы, связанные с участием присяжных заседателей в производстве в суде, в наибольшей степени требуют скорейшего решения на законодательном уровне, т.к. без своевременного вмешательства законодателя в правовое регулирование этого института эффективность, законность и объективность производства в суде с участием присяжных вызывают большие сомнения.

Каждая из обозначенных проблем имеет свои пути решения.

1. Проблема, вытекающая из отказа законодателя от классической модели коллегии присяжных заседателей, в которую входят 12 присяжных. Теперь количество присяжных заседателей в областных и равных им судах составляет 8, а в районных и равных им судах – 6. Соответственно, для вынесения оправдательного вердикта присяжных будут необходимы 4 и 3 голоса соответственно. Кажется, что воздействовать одной из сторон уголовного дела на столь малое количество людей представляется вполне реальным [5]. Многие ученые придерживаются той точки зрения, что необходимо вернуться к общепринятому количеству присяжных заседателей. Наиболее обоснованной же видится позиция С.А. Насонова о том, что сокращение числа присяжных заседателей требует установления не простого, а «квалифицированного большинства голосов для вынесения обвинительного вердикта» [6]. Эта практика известна в таких странах, как Норвегия, Испания, Грузия и т.д. Так, в Испании коллегия присяжных состоит из 9 присяжных заседателей и 2 запасных. Однако для вынесения обвинительного вердикта требуется квалифицированное большинство голосов присяжных – 7 из 9. Следовательно, представляется необходимым введение требования квалифицированного большинства голосов для вынесения обвинительного вердикта, что способно компенсировать численное сокращение коллегии присяжных заседателей.

2. Проблема, связанная с законодательной неурегулированностью вопроса формирования списка кандидатов в присяжные заседатели. Так, наиболее верное решение данного вопроса видится в том, что в уголовно-процессуальном законодательстве следует предусмотреть создание в судах субъектов соответствующих комиссий, которые бы, проанализировав все необходимые составляющие (количество дел за предыдущие годы, подсудных суду присяжных, явку кандидатов по вызову в суд, качество представляемых ранее списков и др.), определяли бы необходимое количество кандидатов в присяжные заседатели по каждому суду на текущие четыре года. Следовательно, «для упорядочивания работы по составлению списков кандидатов в присяжные заседатели ст. 5 Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» необходимо дополнить указанием, что высший исполнительный орган государственной вла-

⁴ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ (3 декабря 2015 г.). – URL: <http://www.news.kremlin.ru> (дата обращения: 04.02.2023). – Текст: электронный.

⁵ Перечень поручений по реализации Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ: [от 3 декабря 2015 г., подп. Президентом РФ 8 декабря 2015 г.]. – URL: <http://www.news.kremlin.ru> (дата обращения: 12.03.2023). – Текст: электронный.

сти субъекта Российской Федерации создает комиссию по вопросам формирования списков присяжных заседателей» [7].

3. Проблема постоянного сокращения числа составов преступлений, которые могут рассматриваться коллегией из присяжных заседателей. На данный момент, начиная с 2001 г., «более 60 % дел, рассматриваемых ранее присяжными, были изъяты из их компетенции» [8]. Из-за того что компетенция суда присяжных на сегодняшний день охватывает всего лишь около 35 составов, у граждан не может сложиться доверительного отношения к правосудию. Так, за последние десятилетия у присяжных «изъяли» дела. Это такие составы преступлений, как терроризм, захват заложников, диверсии и т.д. Ученые-процессуалисты считают такой шаг законодателя неверным, т.к. это подрывает доверие граждан к справедливому судебному разбирательству. Так, говоря о подсудности присяжных заседателей в зарубежных странах, следует привести в пример практический опыт института присяжных заседателей США. В ст. VI Билля о правах 1791 г. говорится о том, что обвиняемый во всех случаях уголовного преследования имеет право на суд беспристрастных присяжных. В действительности, подробно изучая практику применения суда присяжных в США, можно сделать вывод о том, что присяжные принимают участие в рассмотрении наиболее важных уголовных дел, которые в России были исключены из их подсудности. Так, безусловно, законодателю необходимо постепенно, но уверенно увеличивать количество составов, подсудных присяжным, для того чтобы представители от народа смогли прочувствовать себя в роли судьи, понять, что их решение учитывается государством. Тем более важно, чтобы народный элемент присутствовал и в таких уголовных делах, где у влиятельных представителей государственной машины есть, как минимум, определенное предубеждение и, как максимум, даже заинтересованность в том, какое решение желательно принять по делу.

Таким образом, становится очевидным, что проведенное в 2016 г. всестороннее реформирование института присяжных заседателей еще не обличило его в завершённую форму. В современной России остаются нерешенными многие проблемы, которые законодателю следует в ближайшее время устранить для эффективного производства в суде с участием присяжных заседателей на практике. Многие юристы предлагают свои пути решения существующих недостатков, касающихся производства в суде с «народным» элементом, поэтому законодателю следует прислушаться к ученым-процессуалистам и, скорее всего, как и в 2016 г., издать один закон, который внес бы в УПК РФ целый ряд изменений, касающихся производства в суде с участием присяжных заседателей. Затягивать с решением данного вопроса не стоит, т.к. умалять право граждан на участие в отправлении правосудия и на общественный контроль за деятельностью институтов судебной власти нельзя. Это может привести к падению авторитета и доверия граждан к судебной ветви власти, чего, несомненно, в современном цивилизованном обществе быть не должно.

Список литературы

1. Шабанов А. Реформа суда присяжных // *Эж-Юрист*. – 2016. – № 25. – С. 27–33.
2. Соболев П. Изменения в УПК РФ, расширяющие сферу применения института присяжных заседателей // *Сборник аспирантов*. – 2016. – № 6. – С. 221–228.
3. Слабоспицкий А.С., Трубицын М.А. *Factum notorium* в юридической науке и судебной практике России // *Законы России: опыт, анализ, практика*. – 2022. – № 10. – С. 83–89.
4. Дудко Н.А. Подсудность уголовных дел суду присяжных в районных судах // *Реформа суда присяжных в Российской Федерации на современном этапе: проблемы и перспективы реализации: материалы междунар. науч.-практ. конф.* – Казань: Отечество, 2017. – С. 94–101.
5. Слабоспицкий А.С., Гуреев В.А., Кислинский Д.В. *Функционирование судов в пандемию COVID-19 (опыт ближнего и дальнего зарубежья)*. – Москва: Ай Пи Ар Медиа, 2023. – 214 с.
6. Насонов С.А. Перспективы развития законодательства о производстве в суде с участием присяжных заседателей и совершенствования практики его применения // *Стратегии развития уголовно-процессуального права в XXI в.: материалы V Междунар. науч.-практ. конф.* – Москва: РГУП, 2017. – С. 232–239.
7. Симанчева Л.В. Проблемы формирования списка кандидатов в присяжные заседатели // *Реформа суда присяжных в Российской Федерации на современном этапе: проблемы и перспективы реализации: материалы междунар. науч.-практ. конф.* – Казань: Отечество, 2017. – С. 89–95.

8. *Ходкевич А.В.* Некоторые проблемы подсудности суда присяжных Российской Федерации // Сборник материалов V заоч. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Благовещенск: АмГУ, 2018. – С. 151–158.

References

1. *Shabanov A.* Reforma suda prisyazhnyh // *Ezh-Yurist*. – 2016. – № 25. – S. 27–33.
2. *Sobolev P.* Izmeneniya v UPK RF, rasshiryayushchie sferu primeneniya instituta prisyazhnyh zasedatelej // *Sbornik aspirantov*. – 2016. – № 6. – S. 221–228.
3. *Slabospickij A.S., Trubicyn M.A.* Factum notorium v yuridicheskoy nauke i sudebnoj praktike Rossii // *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. – 2022. – № 10. – S. 83–89.
4. *Dudko N.A.* Podsudnost' ugovolnyh del sudu prisyazhnyh v rajonnyh sudah // *Reforma suda prisyazhnyh v Rossijskoj Federacii na sovremennom etape: problemy i perspektivy realizacii: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* – Kazan': Otechestvo, 2017. – S. 94–101.
5. *Slabospickij A.S., Gureev V.A., Kislinskij D.V.* Funkcionirovanie sudov v pandemiyu COVID-19 (opyt blizhnego i dal'nego zarubezh'ya). – Moskva: Aj Pi Ar Media, 2023. – 214 s.
6. *Nasonov S.A.* Perspektivy razvitiya zakonodatel'stva o proizvodstve v sude s uchastiem prisyazhnyh zasedatelej i sovershenstvovaniya praktiki ego primeneniya // *Strategii razvitiya ugovolno-processual'nogo prava v XXI v.: materialy V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* – Moskva: RGUP, 2017. – S. 232–239.
7. *Simancheva L.V.* Problemy formirovaniya spiska kandidatov v prisyazhnye zasedateli // *Reforma suda prisyazhnyh v Rossijskoj Federacii na sovremennom etape: problemy i perspektivy realizacii: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* – Kazan': Otechestvo, 2017. – S. 89–95.
8. *Hodkevich A.V.* Nekotorye problemy podsudnosti suda prisyazhnyh Rossijskoj Federacii // *Sbornik materialov V zaoch. Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem*. – Blagoveshchensk: AmGU, 2018. – S. 151–158.

Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте
Серия 2. Юридические науки
№ 2 (38)' 2023

Электронный научный журнал (Электронное периодическое издание)

Редактор и корректор	<i>Голованова Е.В.</i>
Компьютерная верстка	<i>Савеличев М.Ю.</i>
Переводчик	<i>Грибов В.В.</i>

Электронное издание.

Подписано в тираж 07.08.2023.

Печ. л. 6,75. Усл.-печ. л. 6,23. Уч.-изд. л. 4,52.

Объем 1,9 Мб. Тираж – 500 (первый завод – 30) экз. Заказ № 23-0060.

Отпечатано в ООО «Минэлла Трейд»,
115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 9, корп. 2, пом. 5, тел. 8 (495) 730-41-88.

Макет подготовлен в издательстве электронных научных журналов
ЧОУВО «Московский университет им. С.Ю. Витте»,
115432, Россия, Москва, 2-й Кожуховский проезд, д. 12, стр. 1,
тел. 8 (495) 783-68-48, доб. 53-53.